

ИБИС

**Альманах
№ 26**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

№ файла

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Чего не писали и не пишут о блокаде Ленинграда — <i>М. Буянов</i>	05
● Продолжение о людях и не-людях: очерки преступного мира — — <i>Варлам ШАЛАМОВ</i>	06
● Он был не с Земли: <i>Р.Акутагава</i> , "Как верил Бисэй"	07
● Настоящая литература! Продолжение повести <i>Анат. Рыбакова</i> "Прах и пепел" — о временах сталинизма	08
● Основные вопросы Бытия через ясновидение — <i>А. Метельский (продолжение)</i>	09
● Теософский словарь	10
● Сатирофантазия <i>Татьяны ТОЛСТОЙ</i> "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (<i>продолжение</i>)	11
● "Альтист Данилов" (<i>продолжение</i>)	12
● Продолжение "Альтиста Данилова" — "Шеврикука, или Любовь к привидениям"	13
● Философема	14
● Цитата номера	15
● 3-я страница обложки	16
● Реклама Университета БРАХМА КУМАРИС	17
● 4-я страница обложки	18

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение автомобиля скорой помощи придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. (Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей.) Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (то есть рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи.

№ 1:

№ 2:

Также в папке FONTS прилагаем применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

ПОДЪЕЗЖАЯ К МОСКВЕ

Мих. БУЯНОВ

От редакции

Читатель, вероятно, заметил, что эта статья помещена нами в рубрике "Эзотерика" — см. колонтитул. И, вероятно, несколько заинтриговался тем, почему на картинке слева от названия статьи изображён василиск — персонаж, как принято считать, зловещий... Насчёт василиска станет понятно после прочтения статьи, а про рубрику скажем, что эзотерика — это не только знания о невидимом мире, но в меньшей степени и знания о мире обычном. Как правильно сказано в Талмуде, "если хочешь понять невидимое, шире открой глаза на видимое". Поэтому мы и печатаем много материалов именно о мире плотном и видимом — но материалов именно дающих понимание невидимого мира. К числу последних принадлежит и публикуемый ниже очерк — хотя и написанный в 1994 году, но в главном актуальный и теперь, — и, к сожалению, будет актуальным ещё долгое время, так как не-люди — явление космическое, и исчезнут с лица Земли ещё не скоро.

* * *

Недавно я возвращался из Ленинграда домой. Одна из женщин, с которой я ехал в купе, поинтересовалась моим возрастом. Узнав его, сказала:

— Моему сыну сейчас было бы столько же, сколько Вам.

— А что с ним?

— В первую блокадную зиму он погиб.

Потом разговор переключился на то, что в стране хаос, безалаберность, что надежд на исправление нет. Большевики создали людям собачьи условия — вот они и оскотинились. Не только люди виноваты, главные преступники — власти. В таких ненормальных условиях прошло почти столетие — вот и вырастили коммунистические селекционеры новый вид людей, ни на кого не похожих.

Зачем далеко ходить за примерами — даже билет на поезд мы купили, отстояв громадную очередь; вскоре билеты вообще прекратили продавать — пусть лучше поезда пойдут полупустыми. Нелепости на каждом шагу, достигшие, как порой кажется, степени психического заболевания — не людей, а этого государства, переполненного амбициями, жестокостью и хамством.

— Страна наша богата, порядка в ней лишь нет, — процитировал я широко известные строки Алексея Константиновича Толстого.

— И не будет, — сказала моя спутница. — Такова наша страна. Исправить её смогут лишь новые варяги. Как и тысячу лет назад, надо

приглашать западных европейцев и вручить им судьбу государства.¹

— Какой варяг пойдёт к нам? Безумец если. Потомки всех прежних варягов покидают нас: немцы уезжают, греки... Никто к нам не поедет. Мы обречены жить в том же дерьме, в котором прозябали. Завоёвывать новые пространства умели, а осваивать свои неспособны.

— Да, очень терпелив наш народ. Очень многое перенёс, закален этим. Полуголодный, обозлённый, раздетый, униженный — ан нет, держится и живёт ненамного меньше шведов или итальянцев. Ничем нас не проймёшь.

— Блокаду ленинградскую выдержал — это ведь что-то значит.

— А какой ценой? И всё напрасно, и всё по-советски. Простой народ с голоду помирал, а даже последние клерки из Смольного жили как в раю. Одна моя знакомая осталась в живых только потому, что её соседка работала уборщицей у Жданова: она подбирала объедки, продавала их, так сама выжила и другие тоже. И обогатились на горе одних и богатстве других.

— Но блокада — это не только горе, это и героизм?

¹ Здесь надо уточнить, что, согласно фундаментальным исследованиям Фоменко и Носовского, никаких варягов-иностранцев на Русь не приглашали. (— Ред.)

— Я этого героизма не замечала. Скорее, его и не было. В людях — голодных, замёрзших, перепуганных — проснулся зверь.² Тысячи людей доносили друг на друга. НКВД платило своим осведомителям хорошо; когда наступил голод, у входа в НКВД появились громадные очереди: одни шли наниматься в стукачи, другие — стучать. Третьи, правда, — искать арестованных.

— Неужели в блокаду НКВД так активно функционировало?

— Не меньше, чем в 1937 году. Многие из тех, кто считается умершим в блокаду, на самом деле уничтожены чекистами. Сваливать всё на немцев нельзя.

Да и то, что нацисты окружили Ленинград, это ведь вина сталинской клики. Не гитлеровцы виновны в блокаде, а большевики.³ Они всегда ненавидели Петербург и всегда хотели его уничтожить. И при Зиновьеве, и при Кирове, и

² Что вполне закономерно, потому что в экстремальных условиях, и в частности при угрозе жизни, подсознание переносит акцент на нижние чакры. И главное отличие не-людей от нативных землян — людей — состоит в том, что настоящие люди не позволяют себе озвереть (да, повидимому, этого и не могут). Одним из таких является покойный отец Максимилиан Кольбе, о котором мы уже писали: он в фашистском концлагере добровольно пошёл на смерть вместо своего сокамерника. Эти примеры мы будем приводить и дальше. О них также упоминает и Василий Гроссман в публиковавшихся нами двух отрывках из его повести. Потому и публиковали, чтобы объяснить, что есть люди и есть не-люди. И людям надо быть осторожнее. (— Ред.)

³ Но всё же точнее об этом надо читать у Виктора Суворова в ряде его знаменитых книг. (— Ред.)

при Жданове, и потом — все партвожди уничтожали население города.

— А что произошло с Вашим сыном?

— Его съели.

— Как съели, — разве такое возможно?!!

— В первую блокадную зиму людоедство было распространено гораздо шире, чем о нём принято говорить. Ели детей, ели замороженное трупное мясо, а о собаках и кошках и разговора быть не может: они все были съедены. Съели домашних животных — принялись за детей.

— Ни у одного народа Европы в XX веке не было людоедства...

— А в XIX столетии разве было? Никогда не было. А в Советском Союзе было, и было по меньшей мере два раза: один раз в период коллективизации, когда большевики искусственно вызвали голод на Украине и в других наиболее богатых областях страны.

— А второй раз в период блокады?

— Совершенно верно. Ели своих детей и чужих. Вот до чего довели народ.⁴

— А Ваш сын?

— А моего я боялась оставлять одного, иначе украдут и съедят. Ему было два с половиной годика. Один раз я не углядела: пошла с ним в магазин, а его из рук вырвали — и навсегда.

Сколько людям пришлось перенести! А эти преступники заявляют, что не они виновны в

⁴ Ну, насчёт довели или не довели — всё равно: зверь зверем и останется. Но власти виноваты в том, что звери начали бросаться на людей. (— Ред.)

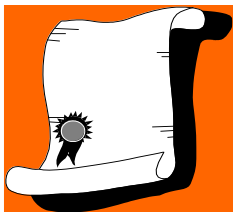
бедах народа. Запомните, молодой человек: не бывает хороших или плохих коммунистов, они все одинаковы, все они преступники — во всяком случае их руководители. Приличный человек по своей воле большевиком не станет.

Большевики превратили наш народ в людоедов. Вот и убивали венгров в 1956 году, жителей Праги в 1968 году, Кабула в 1980-м и позже, вот и зверствуют в Карабахе сейчас, в 1992 году⁵, в Прибалтике... — всё у нас через пень-колоду, всё шиворот-навыворот; страна абсурдов, словом. А вот и Москва. Ещё раз говорю, молодой человек: не бывает хороших коммунистов, все они в той или иной степени преступники.

Мы не осознаём ещё всю глубину нашего падения. Мы людоеды, — запомните это, молодой человек. Мы останемся ими, пока не обретём свободу, пока не скинем идеологию, пребывающую у власти, пока не свергнем иго тоталитаризма. Прощайте.

⁵ В этих датах эзотерик должен заметить подмеченный давно 12-летний цикл. (— Ред.)

ИЗ АРХИВА

С другой стороны, пусть поймёт народ,
ищущий грань меж Добром и Злом:
в какой-то мере бредёт вперёд
тот, кто с виду кружит в былом.

Иосиф Бродский

Варлам ШАЛАМОВ

ОЧЕРКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

(продолжение)

"Вор, — говорят мне, — человек, и ничто человеческое ему не чуждо". Возможно, что ему и бывает жаль уступить свою подругу, но закон есть закон, и блюстители "идейной" чистоты, блюстители чистоты блатных нравов укажут немедленно на ошибку возревновавшего вора. И он подчинится закону.

Бывают случаи, когда дикий нрав и истеричность, свойственные почти всем уркачам, толкают блатаря на защиту "своей

бабы". Тогда этот вопрос уже становится суждением "правил", и блатные "прокуроры" требуют наказания виновного, взывая к авторитету тысячелетних установлений.

Обычно же до ссоры дело не доходит, и проститутка покорно спит с новым её хозяином.

Никакого дележа женщин, никакой "любви втроём" в блатном мире не существует.

В лагере мужчины и женщины разобщены. Однако в местах заключения есть больницы, пересылки, амбулатории, клубы, где мужчины и женщины всё же видят и слышат друг друга. В лагере огромна энергия блатаря, направленная на свидание с какой-нибудь проституткой.¹

Кормиться за счет проститутки не считается зазорным для вора. Напротив, личное общение с вором проститутка должна ценить очень высоко. А сутенёрство — одна из заманчивых деталей профессии, весьма нравящееся воровской молодёжи.

Но бывают случаи, когда чувство, заменяющее любовь, а также чувство самолюбия, чувство жалости к самой себе толкает женщину блатного мира на "незаконные" поступки. Конечно, с воровки тут спрос больше, чем с проститутки. Воровка, живущая с надзирателем, совершает измену, по мнению блатных начётчиков. Её могут избить, указывая на её ошибку, а то и просто прирезать, как "суку". Проститутке же такой поступок не

¹ Далее опущены конкретные примеры как не дающие ничего нового для понимания "этики" не-людей. (— Ред.)

будет вменён в грех. Вообще, в этих конфликтах женщины с законом её мира вопрос решается не всегда одинаково и зависит от личных качеств человека.

В моральном кодексе блатаря, как в Коране, декларировано презрение к женщине. Женщина — существо презренное, низшее, достойное побоев и недостойное жалости. Это относится в равной степени ко всем женщинам, и любая представительница не блатного мира презирается блатарём. Изнасилование "хором" — не такая редкая вещь на приисках Крайнего Севера. Начальники перевозят своих жён в сопровождении охраны; женщина одна не ходит и не ездит совершенно никуда. Маленькие дети охраняются подобным же образом: растление малолетних девочек — всегдашняя мечта любого блатаря.

В презрении к женщине блатарь воспитывается с самых юных лет. Проститутку-подругу он бьёт настолько часто, что та перестает, говорят, чувствовать любовь во всей её полноте, если почему-либо она не получит очередных побоев. Садистские наклонности воспитываются самой "этикой" блатного мира.

Никакого товарищеского, дружеского чувства к "бабе" блатарь не должен иметь. Не должен он иметь и жалости к предмету своих подземных увеселений. Никакой справедливости в отношении к женщине своего же мира быть не может.

Но есть одно-единственное исключение из этого мрачного правила. Есть одна-единственная женщина, которая не только ограждена от покушений на её честь, но которая поставлена высоко на пьедестал, опозитизирована блатным миром, стала предметом лирики блатарей, героиней уголовного фольклора многих поколений. Эта женщина — мать вора. Но и это прославление матери — камуфляж, восхваление её — средство обмана, и лишь в лучшем случае — более или менее яркое выражение тюремной сентиментальности. И в этом возвышенном, казалось бы, чувстве вор лжёт с начала и до конца, как и в каждом своём суждении. Никто из воров никогда не послал своей матери ни копейки денег, даже по-своему не помог ей, пропивая и прогуливая украденные тысячи рублей.

Воображению блатаря рисуется злой и враждебный мир, окружающий его со всех сторон. И в этом мире, населённом его врагами, якобы есть только одна светлая фигура, достойная чистой любви, уважения и поклонения. Это — мать вора. Культ матери при злобном презрении к женщине вообще — вот этическая формула уголовщины в женском вопросе, высказанная с особой — тюремной — сентиментальностью. О последней написано много пустого. В действительности же это — сентиментальность убийцы, поливающего грядку с розами кровью своих жертв,

сентиментальность человека, перевязывающего рану какой-нибудь птичке и способного через час эту птичку живую разорвать собственными руками, ибо зрелище смерти живого существа — лучшее зрелище для блатаря.

Надо знать истинное лицо авторов культа матери, — культа, овеянного поэтической дымкой. С той же самой безудержностью и театральностью, которая заставляет блатаря "расписываться" ножом на трупе убитого ренегата или насиловать женщину публично среди бела дня на глазах у всех, или растлевать трехлетнюю девочку, или заражать сифилисом мужчину-"Зойку", — с той же самой экспрессией блатарь поэтизирует образ матери, обожествляет её, делает её предметом тюремной лирики и обязывает всех выказывать ей всяческое заочное уважение. Так что на первый взгляд чувство вора к матери — как бы единственное человеческое, что сохранилось в его уродливых, искаженных чувствах. Блатарь — всегда якобы почтительный сын, всякие грубые разговоры о любой чужой матери пресекаются в блатном мире. Понимая, что во всей бурной и короткой жизни вора только мать останется с ним до конца, вор, на первый взгляд, щадит её в своём цинизме; но и это единственное и якобы светлое чувство лживо, как все движения души блатаря. В этом чувстве нет ничего, кроме притворства и театральной лживости. Культ матери — это своеобразная дымовая завеса, прикрывающая неприглядный

воровской мир. Культ матери, не перенесённый на жену и на женщину вообще — фальшь и ложь. И отношение к женщине — вообще лакмусовая бумажка всякой этики.

Не подлежит сомнению, что какая-то часть блатарей имеет семьи в своих городах, — семьи, давно уже покинутые блатными мужьями. Жёны их с малыми детьми сражаются с жизнью каждая на свой лад. Бывает, что мужья возвращаются из мест заключения к своим семьям, возвращаются обычно ненадолго. "Дух бродяжий" влечёт их к новым странствиям, да и местный уголовный розыск способствует быстрейшему отъезду блатаря. А в семьях остаются дети, для которых отцовская профессия не кажется чем-то ужасным, а вызывает жалость и, более того, желание пойти по отцовскому пути. Потомственные воры — это и есть кадровое ядро преступного мира, его "вожди" и "идеологи".

От вопросов отцовства, воспитания детей блатарь неизбежно далёк — эти вопросы начисто исключены из блатного талмуда. Будущее дочерей (если они где-нибудь есть) представляется вору совершенно нормальным в карьере проститутки, подруги какого-нибудь знатного вора. Вообще, никакого морального груза (даже в блатарской специфичности) на совести блатаря тут не лежит. То, что сыновья станут ворами, тоже представляется вору совершенно естественным.

Тюремная пайка

Одна из самых популярных и самых жестоких легенд блатного мира — это легенда о "тюремной пайке". И наравне со сказкой о "вореджентльмене", это — рекламная легенда, фасад блатной морали.

Содержание ее в том, что официальный тюремный паёк, "тюремная пайка", в условиях заключения "священна и неприкосновенна", и ни один вор не имеет права покушаться на этот казённый источник существования. Тот, кто это сделает, проклят отныне и во веки веков. Безразлично, кто бы он ни был, — заслуженный блатарь или последний "штылет батайский", юный фраер. "Тюремную пайку", в виде, скажем, хлеба можно без опаски и заботы хранить в тумбочке (если в камере есть тумбочки) и под головой, если тумбочек и полка нет. Воровать этот хлеб считается постыдным, немыслимым. Изъятию у фраеров подлежат только передачи — вещевые или продуктовые, всё равно: в запрещение это не входит. И мало кто сомневается в воровском благородстве: ведь администрация, — рассуждают эти люди, — не может спасти наши передачи от воровских рук. Значит, если бы не блатари...

Действительно, передачи администрация не спасает. "Камерная этика" требует, чтобы заключённый делился с товарищами своей посылкой. В качестве открытых и грозных претендентов на посылку и выступают блатари, как "товарищи" заключенного. Дальновидные и

опытные фраера сразу жертвуют половиной передачи. Никто из воров не интересуется материальным положением арестованного фраера. Для них фраер в тюрьме или на воле — всё равно — законная добыча, а его передачи, его вещи — боевой трофеей блатных.

Иногда передачи и носильные вещи выпрашиваются: дескать, отдай, мы тебе пригодимся. И фраер, живущий на воле вдвое беднее вора в остроге, отдает последние крохи, которые собрала ему жена.

Как же! Закон тюремный! Зато его доброе имя сохранено, и сам Сенька Пуп обещал ему своё покровительство и даже дал закурить из той самой пачки папирос, которую прислала в посылке жена...

Раздеть, ограбить фраера в тюрьме — первое и весёлое дело блатарей. Это делают щенки, резвящаяся молодёжь... Те, что постарше, лежат в лучшем углу камеры, у окна, и присматривают за операцией, готовые в любую минуту вмешаться при упорстве фраера.

Конечно, можно поднять крик, вызвать часовых, коменданта, — но что это даст? Чтобы тебя избили ночью. А впереди, в дороге, могут и зарезать. Бог с ней, с передачей.

— Зато, — похлопывая по плечу какого-нибудь "чёрта", говорит ему блатарь, икая от сытости, — зато твоя тюремная пайка цела. Её, брат, ни-ни... никогда...

Молодому вору иногда непонятно, почему нельзя трогать тюремного хлеба, если владелец

его наелся белых домашних булочек от передачи. Владелец булочек тоже этого не понимает. Тому и другому взрослые воры объясняют, что таков закон тюремной жизни.

И боже мой, если какой-нибудь наивный голодный крестьянин, которому в первые дни заключения в тюрьме не хватает еды, попросит у соседа-блатаря отломить кусочек от сохнувшей на полке "тюремной пайки", — какую пышную лекцию ему прочтёт блатарь о святости тюремного пайка...

В тех тюрьмах, где передач мало и мало новых фраеров, и понятие "тюремной пайки" ограничивается пайком хлеба, а приварок (супы, каши, винегреты), как бы он ни был беден по ассортименту — исключается из неприкосновенности. Раздачей пищи всегда стараются руководить блатари. Это мудрое правило дорого стоит остальным обитателям камеры. Кроме пайки хлеба, им наливают "юшку" от супа, и порции второго блюда становятся почему-то маленькими. Несколько месяцев совместного проживания с хранителем "тюремной пайки" сказывается самым отрицательным образом на "упитанности" заключенного, выражаясь официальным термином.

Всё это ещё до лагеря, пока дело идёт о режиме следственной тюрьмы. В исправительно-трудовом лагере, на тяжелейших "общих работах", вопрос "тюремной пайки" становится вопросом жизни и смерти.

(продолжение предполагается)

Рюноскэ АКУТАГАВА

КАК ВЕРИЛ БИСЭЙ

От редакции: мы решили поместить этот маленький рассказ, написанный автором в 1919 году, во-первых, потому, что он представляет значительную художественную ценность; во-вторых, потому, что такого рода рассказы вообще редкость; в-третьих потому, что в нашей стране Акутагава хотя и недавно переиздан, но очень небольшим тиражом и в виде дорогой книги; и в-четвертых потому, что писатель знал о существовании жизни после смерти. Акутагава страдал наследственным психическим заболеванием, отдавал себе в этом отчёт, боролся с этой болезнью, но всё больше признавал, что против неё он бессилен. В относительно молодом возрасте он был помещён в психиатрическую больницу, где в один из редких часов облегчения написал о себе — в виде короткого рассказа о другом человеке — следующие строки:

"У него дрожала даже рука, державшая перо. Мало того, у него стала течь слюна. Голова у него бывала ясной только после пробуждения от сна, который приходил к нему после большой дозы веронала. И то ясной она бывала каких-нибудь полчаса. Он проводил жизнь в вечных сумерках. Словно опираясь на тонкий меч со сломанным лезвием."

Бисэй стоял под мостом и ждал её.

Наверху, над ним, за высокими каменными перилами, наполовину обвитыми плющом, по временам мелькали полы белых одежд проходивших по мосту прохожих, освещённые ярким заходящим солнцем и чуть-чуть колышущиеся на ветру... А она всё не шла.

Бисэй с лёгким нетерпением подошёл к самой воде и стал смотреть на спокойную реку, по которой не двигалась ни одна лодка. Вдоль реки сплошной стеной рос зелёный тростник, а над тростником кое-где круглились густые купы ив. И хотя река была широкая, поверхность воды, стиснутая тростниками, казалась узкой. Лента чистой воды, золотя отражение единственного перламутрового облачка, тихо вилась среди тростников... А она всё не шла.

Бисэй отошёл от воды и, шагая взад и вперёд по неширокой отмели, стал прислушиваться к медленно наполнявшейся сумраком тишине. На мосту движение уже затихло. Ни звука шагов, ни стука копыт, ни дребезжанья тележек оттуда не слышалось ничего. Шелест ветра, шорох тростника, плеск воды... потом где-то пронзительно закричала цапля. Бисэй остановился: видимо, начался прилив, и вода, набегающая на илистую отмель, сверкала ближе, чем раньше... А она всё не шла.

Сердито нахмурившись, Бисэй стал быстрыми шагами ходить по полутёмной отмели под мостом. Тем временем вода потихоньку, шаг за шагом, затопляла отмель. И его кожи коснулась прохлада тины и свежесть воды. Он поднял глаза: на мосту яркий блеск заходящего солнца уже потух, и на бледно-зеленоватом закатном небе чернел четко вырезанный силуэт каменных перил... А она всё не шла.

Бисэй наконец остановился.

Вода, уже лизнув его ноги, сверкая блеском холодней, чем блеск стали, медленно разливалась под мостом. Несомненно, не прошло и часа, но безжалостный прилив уже заливает ему и колени, и живот, и грудь. Нет, вода уже выше и выше, и вот уже его колени скрылись под волнами реки... А она всё не шла.

Бисэй с последней искрой надежды снова и снова устремлял взор к небу, на мост. Над водой, заливавшей его по грудь, давно уже сгустилась вечерняя синева, и сквозь призрачный туман доносился печальный шелест листвы ив и густого тростника. И вдруг, задев Бисэя за нос, сверкнула белым брюшком выскочившая из воды рыбка и промелькнула над его головой.

Высоко в небе зажглись пока еще редкие звёзды. И даже силуэт обвитых плющом перил растаял в быстро надвигавшейся темноте... А она всё не шла.

В полночь, когда лунный свет заливал тростник и ивы вдоль реки, вода и ветерок, тихонько перешёптываясь, бережно понесли тело Бисэя из-под моста в море. Но дух Бисэя устремился к сердцу неба, к печальному лунному свету, — может быть, потому, что он был влюблён. Тайно покинув тело, он плавно поднялся в бледно светлеющее небо — совсем так же, как бесшумно поднимается от реки запах тины, свежесть воды...

А потом, через много тысяч лет, этому духу, претерпевшему бесчисленные превращения, вновь была доверена человеческая жизнь. Это и есть дух, который живёт во мне, — вот в таком, какой я есть. Поэтому, пусть я родился в наше время, всё же я не способен ни к чему путному: и днём и ночью я живу в мечтах и только и жду, что придёт что-то удивительное.

Совсем так, как Бисэй в сумерках под мостом ждал возлюбленную, которая никогда не придёт.

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции

Вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Глеб поднял бутылку, она оказалась пуста.

- Ладно, дорогуша, расскажу тебе эту историю, а потом примем еще по сто. Итак, был у меня друг, хороший друг, верный друг, в Ленинграде. Жили мы в одном доме, в одном подъезде, на одной площадке, ходили в одну школу. Был он первый ученик и по литературе, и по математике, даже по физкультуре. Из простых новгородских мужиков, но самородок! Ломоносов! В университет на физмат прошел по конкурсу первый. Идеальный! Еще в девятом классе прочитал "Капитал" Карла Маркса. Не пил, не блядовал, — правда, курил. Русоволосый, синеглазый, статный, красавец мужчина! И главное, душевный, все к нему шли, и он, что мог, для каждого делал. И вот, понимаешь, какая штука... Подался мой друг в троцкистскую оппозицию ещё студентом, в институте выступал открыто, взглядов своих не скрывал! Ты спросишь, почему дружил со мной, с беспартийным и безыдейным? Я, дорогуша, человек легкий, но человек верный, это он знал. За это, думаю, и любил. И все мне рассказывал. Конечно, всякие там тайны не выкладывал, имен не называл, дело уже повернулось к арестам, высылкам, но взглядами делился.

Глеб поманил пальцем официанта, показал на графинчик.

- Тащи еще двести!**
- Может, хватит? - сказал Саша.**
- Ничего, по сто граммов не помешает.**

Глеб налил Саше, себе:

- Одного человека он напрочь не принимал.**

И скосил глаза. Саша понял - речь идет о Сталине.

- Называл его "могильщиком Революции". Всех разговоров и не помню, но отчетливо запомнил именно насчет социализма в одной стране. Поэтому, дорогуша, меня так и задел Каневский. Раньше я это слышал от друга, которому доверял, а Каневского я не знаю. Друг мой говорил, что построить социализм в одной стране нельзя. А те, кто говорит, что можно, хотят превратить нашу страну в "осажденную крепость", в "окруженную врагами цитадель", то есть ввести, в сущности, военное положение, создать условия для единоличной диктатуры одного человека, для террора и репрессий. И утверждать, что у нас в стране, мол, уже построен социализм, значит, компрометировать саму идею социализма и в конечном счете угробить его. - Он замолчал, уставился на Сашу, глаза были мутные.

- Давай отложим твой рассказ до другого раза,
- сказал Саша.

Глеб исподлобья посмотрел на него.

- Думаешь, за-го-ва-ри-ваюсь? Нет, никогда, ни-ког-да!

Придерживаясь за стол, поднялся.

- Пойду пописаю. А ты закажи чаю, только крепкого-крепкого, как чифирь. Знаешь чифирь?

- Знаю. Официант может не знать.

- Объясни.

И направился в уборную, не слишком твердо шагал, пошатывало.

Любопытная вырисовывается картина. И неожиданная. Выходит, не просто выпивоха, не просто богема, пусть и провинциальная, как он привык думать о Глебе. Всегда осторожничал, а тут с симпатией говорит о троцкисте, а троцкистов сейчас можно только поносить и проклинять. Колхозница в глухой деревне в "кругу" на улице пропела старую, двадцатых годов частушку: "Я в своей красоте очень уверена, если Троцкий не возьмет, выйду за Чичерина". И схватила десять лет лагерей: "За троцкистскую агитацию и пропаганду". Брякнул человек: "Троцкий был мировой оратор" - десять лет. "Троцкий, конечно, враг, но раньше был второй после Ленина" - опять десять лет. Такая вот обстановка. А Глеб откровенничает...

Официант поставил на стол два стакана чая в подстаканниках. Чай густо-коричневый, почти черный, такого цвета добиваются, примешивая к чаю еще что-то, жженый сахар, что ли, Саша забыл.

Вернулся Глеб, посвежевший, улыбался во весь свой белозубый рот, волосы мокрые, причесанные, видно, окатил голову холодной водой. Хлебнул чая.

- Хорошо! Так на чем же мы с тобой остановились, дорогуша?

- Я предложил тебе закончить свой рассказ в следующий раз.

- Не пойдет. Ты уж дослушай до конца.

Саша всегда поражался, как много мог выпить Глеб и как мгновенно при надобности трезвел. Он выпивал и перед занятиями, и даже во время занятий, приносил с собой, но ни разу за роялем не сбился с такта, не сфальшивил.

- Такой человек был мой друг, - снова начал Глеб, - и, конечно, его посадили еще в конце двадцатых годов. Долго он не просидел, начали видные троцкисты подавать заявления: мол, никаких больше с партией разногласий нет, подчиняемся ее решениям и просим восстановить в ее рядах. Из ссылки их вернули, и мой друг тоже вернулся в Ленинград. Заходил ко мне, сидели мы, разговаривали, и понял я, что разочаровался он во всем,

решил заниматься только наукой. Восстановили его в институте на физмате, женился на хорошей девочке, родила она ему сына, он от мальчишки без памяти, стипендия, конечно, маленькая, давал уроки физики, математики. Все, как у нормального человека. В партии числился формально, восстановили его автоматически, и очень, знаешь, угнетала его партийность эта, он и собрания пропускал, и поручений не выполнял, все надеялся, что за пассивность его исключат и будет он жить совсем спокойно. Но, однако, дорогуша, жить ему спокойно не удалось.

Голос у Глеба осекся, он замолк на минуту, поставил локти на стол, обхватил голову руками.

- Давай еще по сто граммов рванем...

Официант принес еще двести граммов. Глеб выпил, пожевал колбасу.

- Да... Заявились как-то к моему другу бывшие товарищи по ссылке, и пошли всякие разговоры. Тогда Гитлер к власти пришел, вот они это обсуждали. Сталин и Гитлер, мол, одно и то же, чувствуешь? Болтали между собой всякое. Ему бы, дураку, их оборвать, отрубить, мол, я политикой не занимаюсь, и прекратите разговоры на эти темы или вообще

больше ко мне не приходите. Характеру, что ли, не хватило, мягкий человек был, или такая уж крепкая дружба в ссылке возникает - не оборвешь, или боялся прослыть обывателем, а то и трусом, доверял, может быть, этим людям, считал такими же порядочными, каким был сам. Может быть, они и были порядочные, но трепачи, тюрьма и ссылка их ничему не научили, значит, болтали они не только у моего друга... Все же, когда пришли во второй раз, он им дал понять, деликатно, конечно, ведь интеллигент, что принимать их у себя не может: одна комнатуха в коммунальной квартире, ребенок спать должен, и сам он работает по вечерам. И больше они не являлись. Думал он, на этом кончилось. Однако нет, не кончилось. В один прекрасный день в институте подходит к нему молодой человек приятной наружности, отзывает в сторону, показывает книжечку красненькую: "Придется вам со мной пройти тут неподалеку". Приходят они в Большой дом, — так у нас называется НКВД. Начальник усаживает его в кресло, спрашивает, как устроился после ссылки, не обижают ли его. Друг мой отвечает: "Все в порядке, никто не обижает". - "А как ваши товарищи по ссылке?" Друг мой чувствует подвох, но не сориентировался. "Не знаю, я ни с кем не встречаюсь".

Начальник вынимает из стола бумагу и зачитывает фамилии тех, кто приходил к

моему другу. "А этих людей вы встречали?" - "Да, были у меня два раза". - "И о чем беседовали?" - "Ни о чем особенном..." - "Вспоминали Сибирь, ссылку?" - "Вспоминали". - "В романтической дымке вспоминали?" - "Какая романтика в Сибири..." - "А о политике говорили?" - "Я вне политики, занимаюсь физикой и математикой".

Начальник вынимает другой лист: "А вот что говорил такой-то". И слово в слово читает ему рассуждения одного мудозвона. "Говорил он это?" Куда деваться? "Да, говорил". - "Как вы реагировали?" - "Не прислушивался, занимался". - "Помилуйте, в вашем присутствии ведутся антисоветские разговоры, а вы не прислушивались. Нет, вы прислушивались, иначе не подтвердили бы того, что я вам зачитал".

Мой друг молчит, возразить нечего. Ясно, среди приходивших был осведомитель, может, и не один. А начальник напирает: "Молчите? Отвечу за вас. Вы капитулировали для того, чтобы восстановиться в партии и взорвать ее изнутри. Вы возглавили и собирали у себя на квартире подпольную троцкистскую группу. У нас есть все основания арестовать вас и вашу группу и предать суду".

Мой друг отвечает: "Никакой троцкистской деятельностью я не занимался, ни в каких разговорах не участвовал. Но доносить - это

противоречит моим нравственным убеждениям. Моя ошибка в том, что я не отказал им от дома сразу, когда они пришли в первый раз".

А начальник прет свое; "Мы арестуем вас и вашу группу. На следствии все признают свою вину, потому что вина была. Статья, по которой вы будете проходить, "создание контрреволюционной организации", — предусматривает от пяти лет лагерей до высшей меры наказания. Хотите жить, хотите спасти свою семью — подумайте, как спасти. Говорите, у вас нет разногласий с партией; докажите это". И напрямую предложил моему другу сотрудничать. "А откажетесь, пеняйте на себя".

Конечно, мой друг мог такое предложение отвергнуть. Но это означало, что его тут же отправят в камеру и перед ним будут маячить или лагерь, или вышка. А лагерь или вышки мой друг не хотел. Не потому, что боялся, он был смелый человек, а за что он должен погибать? За то, что какие-то идиоты при нем трепались? За них он погибать не хотел, и не хотел, чтобы погибли его жена и сын. За идею? Идею его вожди предали, каялись на всех углах. И он подписал обязательство. Но стукачом быть не собирался, надеялся, понимаешь, выйти из этого положения...

За соседним столиком кончили ужинать, один из компании остался рассчитывать, трое вышли, остановились в проходе. Глеб

умолк. Народу в ресторане было средне — будний день. Певица закатывала глаза, прижимала руки к груди. "Только раз бывает в жизни встреча, только раз судьбою рвется нить..." Плохо пела, но Саша любил цыганские романсы.

Люди, стоявшие возле их столика, прошли в раздевалку. Глеб продолжил:

- И поехал в Москву на самые верха, к товарищу Сольцу. Слыхал такую фамилию?

- А как же, даже знаком с ним. Хороший человек.

- Да? Хороший? Тебе, дорогуша, видней. Его ведь называли "совестью партии". Вот к этой "совести" он и поехал. Сольц, представь, его принял. И говорит ему мой друг: хотят меня завербовать, и как, мол, совместимо с партийной этикой и моралью, чтобы один коммунист тайно доносил на других коммунистов? А Сольц ему отвечает: "Не ко всем коммунистам органы приходят; ко мне, например, не приходили. А к вам пришли, значит, это ваше личное дело, вы и решайте".

- Сольц ему так ответил?

- Так мне рассказывал мой друг. А он всегда говорил только правду.

Неужели Сольц отнесся так казенно? Жаль. В его памяти Сольц сохранился совсем другим.

- Ну и что было дальше?

- После Москвы, после Сольца мой друг пришел ко мне и рассказал все, что ты сейчас слышал. Просидели мы с ним всю ночь, много и чего другого говорил. Зиновьева, Каменева, Радека презирал, Бухарина, Рыкова тоже - своими славословиями помогли Сталину, проложили себе дорогу на плаху. Про Троцкого сказал - крупная фигура, не чета этим. И линия его правильная - в одной стране социализм построить нельзя, надо дать свободу фракциям и группировкам, а это - путь к свободе взглядов, свободе мнений, а значит, и демократии.

- Не думаю, что Троцкий был уж таким демократом.

- Дорогуша, передаю тебе, что слышал от своего друга. Демократия, конечно, не буржуазная, а вроде как социалистическая, пролетарская, я в этом не разбираюсь. В общем, Троцкого он одобрял - гениальный человек, но, мол, разглядывал себя в зеркале истории, но хотел стать новым Бонапартом, вот и проиграл игру. Имел в руках преданную армию, мог еще в двадцать третьем году арестовать и расстрелять эту троицу: Сталина, Зиновьева и Каменева.

- Расстрелять?! Какая же это демократия?

- Дорогуша! Так ведь в нашей стране все на расстреле держится: и диктатура, и демократия.

- А ты оказывается, философ.

- Какой есть. В общем, много чего говорил мой друг: все, мол, пропало, Октябрьская революция погибла, страна идет к фашизму. И его личная жизнь кончена. Держался спокойно, будто лекцию читал, честное слово! Видно, принял решение, встал и сказал: "Со мной всякое может случиться, и я хочу, чтобы хоть один человек на свете знал мою подлинную историю. Этот человек - ты. И надеюсь, ты нашего разговора до поры до времени никому не передашь. Учись молчать!" Понял, дорогуша? "Учись молчать" - золотые слова.

Глеб обвел мрачным взглядом стол, откинулся на спинку стула.

- Дорогуша, что же мы с тобой сидим, как дурачки на именинах? Глотнем еще по сто, смотри, сколько колбасы осталось, не пропадать же закуске.

Он выпил, доел колбасу.

- Два дня я его не видел, а на третью ночь звонят в нашу квартиру. Что случилось? Стоят мильтон, участковый и дворник. "Одевайтесь, идемте, будете понятым". И приводят меня в соседнюю квартиру, в его комнату, а там обыск. Моего друга нет, только жена всполошенная и ребенок в кроватке. Обыск шел до утра, ничего не нашли, вписали в протокол какие-то старые книги для проформы, иначе зачем целую ночь рылись? Ушли они, а я остался, спрашиваю у жены, где он сам-то? Думал - в тюрьме. А жена

отвечает: "В морге он теперь". В общем, дорогуша, покончил он с собой, отравился в институте, дождался, когда все уйдут, и принял яд. Поговорил с товарищем Сольцем, "совестью партии", после этой совести - яд принял. Вот какая у этой партии совесть! Утром люди пришли, а он лежит в аудитории. Похоронили мы его на Волковом кладбище, рядом с родителями. И скажу тебе, дорогуша, правильно он поступил: доживи он до нынешних времен, его бы уже двадцать раз расстреляли и семью бы угробили. А так человек покончил с собой, не он первый, не он последний. И семья в порядке, сын уже в школу пошел. А историю его, страдания его знаю я один, один-единственный. Великий был человек, дорогуша! А погиб! За то, что каким-то мудакам захотелось потрепаться. Так вот, скажи мне, дорогуша, как я должен после этого относиться к таким трепачам, как Каневский? Какое он имеет право при мне, при тебе, при Лёне произносить слова, за которые дают срок, а то и вышку? Чтобы "свою образованность показать"? Так я положил с прибором на его образованность. То, что он знает, я давно забыл. Как я могу доверять какому-то Каневскому, когда мой друг дал подписку? И эта подписка лежит в архивах, и через сто лет ее прочитают и скажут: вот и этот был стукачом. А он был честнейший, порядочнейший человек, в жизни ни одного лживого слова не произнес.

Глеб наклонился к Саше.

- Я, дорогуша, тебе эту историю рассказал, чтобы ты не считал меня сволочью. Я тактично удалил Каневского, чтобы не было среди нас звонарей, из-за которых мы можем погибнуть. Кстати, это не я, а ты должен был сделать.

- Почему я?

- Потому что биография у тебя такая. Пока ты баранку в Калинин крутил, отдел кадров ихний, эта тощая проблядь Кирпичева на тебя целое дело завела, хоть ты и простой шофер. Скажи спасибо нашей родной рабоче-крестьянской милиции - выселили тебя из Калинина... И когда Каневский свою хреновину понес, я сразу подумал: а почему Сашка молчит? Ну, представь, дорогуша, потянули бы нас за эти его слова туда... А? Мы с Леней - семечки, баянисты, а ты? Судимый, и вот при одном контрике другой контрик развивает теории Троцкого. Организация! И ты в ней главный. Лагерь тебе, как минимум, обеспечен. А ты его жалеешь, сопли распустил. Ах, на улицу выбросили, ах, без куска хлеба оставили. Вот так и мой друг всех жалел... Знаешь, что я тебе скажу: когда ты тогда, в Калинин, с Людкой к кузнецу пришел, я как на тебя посмотрел, сразу догадался: из заключения парень.

- Догадливый ты.

- У тебя на лице это было написано, и на свитере, и на сапогах - во всем сочетании, так

сказать. Я ведь, дорогуша, художник, у меня глаз - ватерпас, я сразу тебя разгадал: зек ты, но не простой, а интеллигент, к жизни этой волчьей не приспособленный, как и мой покойный друг. Больше скажу, ты как вошел, меня словно ножом по сердцу резануло, до того ты на него похож. Он русоволосый, у тебя волосы черные, и покрупнее он тебя, а все равно похожи вы, выражение лица одинаковое, одной вы породы, справедливость ищите, деликатные чересчур. И все равно тогда, в Калинин, я тебя сразу полюбил, вот, думаю, в моей скотской жизни опять появился настоящий человек, хотя и понимал нутром: тот мой друг пропал за свою деликатность — и ты за это пропадешь.

- Боюсь, ты пропадешь раньше меня, - сказал Саша.

- Да? Почему так?

- Месяца три назад что ты мне сказал о Каневском?

- Вроде бы о пушкинском юбилее шла речь, не помню.

- Напомню. Ты сказал: мы из-за Каневского в тюрьму сядем... Я обязан быть на страже, думать, кто рядом со мной. Говорил ты это?

- Вроде бы говорил...

- Зачем же ты позвал Каневского в ресторан? Зачем посадил рядом с собой? Зачем водкой поил? Он ведь не хотел идти с нами.

- Ну, в одном коллективе работаем, вместе получку получили, пойдем выпивать, а его не позовем, неудобно.

- Ах, неудобно? Тащишь за собой в ресторан человека, про которого знаешь, что он может нас в тюрьму посадить. Кто же ты после этого? И не он, а ты первый заговорил о социализме и прочей чепухе. Ты вызвал его на этот разговор, и он ответил, что думает. Ты его спровоцировал. Зачем?

Глеб поднял на него глаза.

- Ты это серьезно?

- Да, вполне серьезно. Спровоцировал, а потом побежал к Семену: "Увольте Каневского, болтает лишнее".

Глеб пожал плечами.

- Ну, если ты меня считаешь провокатором...

Саша допил свою рюмку, понюхал корку хлеба.

- Если бы я считал тебя провокатором, я бы с тобой ни минуты не сидел за этим столом. Я тебе скажу, почему ты притащил Каневского в ресторан. Тебя раздражает его "высокомерие", ах, ты воображаешь себя гением, особняком держишься, брезгуешь нами, гнушаешься, нет, "дорогуша", ты такой же, как и мы, - по клубам бегаешь, фокстроты наяриваешь, вот и держись за нас. Обмываем получку, и ты обмывай, пьем водку, и ты пей, ерничаем про социализм, и ты ерничай. Не владеешь собой, поэтому и говорю: пропадешь раньше, чем я.

- Слава Богу, я уж думал, ты меня стукачом объявишь.

- История твоего друга трагическая и печальная, - продолжал Саша. - Но он был обречен. Я видел троцкистов в ссылке - крепкие люди. Поэтому их и уничтожили под корень, нынче слабые нужны, из них можно лепить что угодно. А чтобы из нас не лепили что угодно, нужна сдержанность, нужна осторожность. Думаешь, мне приятно фокстроты отплясывать? Для меня это дело? Но я залег на дно, в водорослях лежу, не слишком привлекательная позиция для мужчины, но я хочу в этих подлых условиях остаться порядочным человеком; может быть, придет время, вынырну. А ты пузыришься, по этим пузырям тебя и обнаружат. Завтра Семен явится туда: "Мой сотрудник Дубинин доложил мне, что пианист Каневский болтает лишнее". Приглашают тебя: "Благодарим вас, Глеб Васильевич, вы действуете как настоящий советский человек, так и продолжайте, сообщайте нам о всяких антисоветских разговорах". Вот ты и на крючке. Захотел покуражиться над человеком. И докуражился.

В зале притушили свет.

- Сигналят на выход. - Саша подозвал официанта, расплатился.

- Я жалею о том, что произошло, - сказал Глеб, - ты можешь поступать, как пожелаешь. Но я твой человек, Сашка!

- Я это знаю. - Саша встал. - Ладно, двинулись.

(продолжение предполагается)

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ ВОПРОСАХ*

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

4. АСТРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ДУШИ

Существенная особенность ясновидения состоит в том, что каждый хорошо видит то, что ему ближе. Но когда образ найден, то подключиться к нему уже легко. И надо добавить, что просто увидеть образ недостаточно: надо его исследовать, найти ему место в общей системе строения души. А это требует немало времени и труда.

Астральные тела (сокращенно "астралы") — это составляющие нашей ауры, частицы тонкого тела, полностью повторяющие наш физический облик, но располагающиеся на всех остальных частотах, к которым причастна душа. В психологическом плане они воплощают отдельные стороны характера, отдельные качества, свойственные человеку. Например, есть только добрые и ласковые астралы, они больше ничего не умеют и вступают в дело лишь тогда, когда мы в жизни проявляем эти

* Продолжение. Начало в номере 1.

качества. Есть хитрые, недоверчивые, есть заботливые и т.д. И есть очень вредные черномагические астралы, которые только и умеют что замазать другого человека (гипсом и т.п.) или залить, например, смолой. Все присущие душе качества отражаются в астралах. Их количество показывает силу и устойчивость данной черты характера, степень её значимости в человеке. В целом, астралы выражают многообразие души, они распределены по её частотам-слоям, и в зависимости от обстоятельств и наших намерений, в действие вступают не все, а какая-то их часть.

Каждый астрал объединяет пять элементов системы жизнеобеспечения, поэтому они тоже различаются между собой. В структурном отношении это элементарные, далее не делимые частицы, как бы кванты души. Поэтому их можно считать и элементарными единицами её мощности. Эту мощность можно подсчитывать по разным методикам, но я думаю, что все они лишь частные производные от общего количества и распределения астралов по частотам. Среднее число астралов у современного землянина — от нескольких десятков до полутора-двух тысяч. Но это универсальная единица, характерная не только для людей. Она пронизывает всё мироздание — от животных до высоких Святых и Пророков и до самого Бога-Отца. У существ более глобальных, чем мы, таких образов миллионы и миллиарды, поэтому и возможна их

вездесущность, и пока я не обнаружил этих частиц у себя, мне было непонятно, как могут видеть Богородицу или Иисуса Христа одновременно в разных храмах и/или в разных местах на планете. Теперь я это объясняю тем, что в разные храмы/места приходят разные их астралы, — или же здесь совсем другой механизм, пока ещё людям не известный, вроде накрытия тонаберным колпаком или активизации определенных внутренних частот индивида.

Важно не только количество, но и качество наших астралов. Наряду с человеческими, мы можем выращивать в душе и высокие положительные, и низкие отрицательные образы. Например, если мы с кем-то пособачились, то в ауре и возникает образ наподобие собаки; если окрысились — образ вроде крысы; если съязвили — нечто наподобие змеи, и так далее. Неприятный осадок после ссоры — это и есть присутствие возникших внутри нас отрицательных образов. Если мы их не поддерживаем новыми подобными действиями, они постепенно тают и исчезают. Если осознали неправоту нашего поведения и сразу попросим прощения (не только у данного человека, но и покаемся перед Богом, что бы мы под этим словом ни понимали) — то чистый поток Иисуса Христа или Богородицы буквально сожжет эти образы, и они исчезнут почти мгновенно — особенно если добавить к покаянию и причастие.

Если же мы продолжаем ссориться, то наша собака или крыса начинают расти, их мощность уравнивается с мощностью самого человека, и они начинают требовать от своего хозяина подкармливать их, то есть постоянно ругаться. Развивать далее эту тему я не буду, так как она уже до меня хорошо раскрыта у Александры Дэвид-Ниль ("Мистики и маги Тибета") и у Авессалома Подводного ("Возвращённый оккультизм, или трактат о тонкой семёрке"). Так у человека и создаются устойчивые отрицательные черты характера. И на выступлении одного известного экстрасенса я видел, как по залу бегала целая свора его внутренних собак.¹ Так что выражение "собак спустил" отражает происходящее в тонком мире.

Имеющиеся у нас человеческие образы тоже могут быть очень разными. Когда в помещение входит человек, про которого говорят "тяжёлый" или "неприятный", то это обычно значит, что его астралы расталкивают всех присутствующих, и могут даже ударить.² У людей с сильной черной магией астралы начинают действовать даже без осознания этого их хозяином. Такому человеку просто что-то не понравилось — и вот его астралы уже скрутили и связали, засыпали гипсом, залили

¹ Или несколько из другой оперы: когда смотрю картины некоторых современных живописцев, то вижу прежде всего внутренние проблемы данного художника.

² Кажется, выше я уже написал, что именно так и убили академика Андрея Сахарова на его выступлении на съезде: аудитория выпустила на него черных астралов, и вскоре после этого (и вследствие этого!) он и умер.

смолой любого, кто попал под его недобрый взгляд. Эти люди опасны для окружающих, и особенно для близких. Их отрицательные астралы не разбирают своих и чужих, бьют всех подряд. И есть огромное число случаев, когда болезни детей связаны с черномагическими астралами их родителей.

И напротив, у положительных людей, пусть это и не видно обычным зрением, астралы ласкают, гладят, утешают окружающих, при их приходе становится уютней и теплей.

Понятно, что большое количество "положительных" астральных образов делает человека устойчивее к "отрицательным" воздействиям. Колдовство и сглаз, например, поражают не всю душу, а какую-то часть положительных астралов, остальные же продолжают действовать. Бывают нарушения, связанные только с потерей астралов: скажем, при общении с сильным вампиром вы можете потерять их более половины, что резко скажется на самочувствии, вызвав сильный упадок сил. Часто потеря астралов связана с повышенным вниманием к данному человеку, причём вниманием не обязательно отрицательным, — например: от слишком активного желания общаться с понравившимся человеком люди прихватывают с собой по несколько его астралов. Или мой собственный случай, когда я по телевизору смотрел, как в Арктике живут симпатичные мне пингины Адели, а потом оказалось, что я надавал им кучу моих астралов.

(Чем нередко и объясняется так называемый ум у животных.)

Прихват астралов — также и беда популярных людей, педагогов, артистов. Если же поклонники не могут прихватить, то, наоборот, сами прицепляются к предмету интереса. В первом случае помогает собирание астралов с помощью пророков. Надо с молитвой к каждому пророку мысленно провести по окружности большим церковным крестом, как бы собирая свои астралы. Если нет каких-нибудь тяжёлых структур, то они возвращаются. Во втором случае следует мысленно погрузиться на минуту в каждый из 12 цветов, включая хрусталь и изумруд.

Наши астралы на высоких частотах значительно крупнее нашего физического тела. Есть астралы больше Земли (на частоте 250-260 тысяч, например,), но поскольку количество астралов вообще у нас сравнительно невелико, а количество больших астралов и совсем мало, то плотность наших тонких тел на этих частотах очень мала. Напротив, у святых и пророков основная доля их мощности (количество астралов) сконцентрирована в тонком мире, а на наш обычный уровень они проникают лишь очень небольшой своей частью (рабочей матрицей). Поэтому, кстати, не нужно думать, что кто-то сделает за нас то, что мы должны сделать сами. Без нашего собственного активного участия и уж тем более вопреки нашей воле спасти нас никто не собирается.

Исконный хозяин на Земле — человек³, и это обеспечивается в том числе и его строением, при котором основная часть силы сосредоточена до частот 120-140 тыс. ед. Свои астральные тела есть у всех образов деятельности души — от коровы и лошадки до солнца и свечи. Но эти астралы включаются лишь в момент деятельности. Основу же земного бытия души составляют образы в виде людей. Это количество является достаточно стабильным, и по нему можно судить об общей мощности души. Человека, имеющего 500-600 и более астралов, можно называть экстрасенсом по его способности воздействовать на окружающих. Правда, есть регионы (например, Северный Кавказ), где вследствие высокой концентрации людей с сильной чёрной магией просто для выживания необходимо повышенное количество астралов. Если в начале 90-х годов в средней полосе и на северо-западе России и в странах Балтии среднестатистическая мощность составляла 150-300 астралов, а с 450-500 возникало ощущение повышенной силы, то на Кавказе среднестатистическое количество равнялось 450-600 астралам, а повышенная мощность чувствовалась лишь с 700-800 астралов. Сейчас в связи с "Чечнёй" положение меняется. Из-за распространенности там сильной чёрной магии

³ Хотя существуют инопланетные силы, уже давно внушающие человечеству, что хозяин на Земле — не это самое человечество. Делается это с целью подавить человечество или вообще изгнать его с Земли (через войны и т.п.), чтобы после этого овладеть Землей как освободившимся небесным телом. (— Ред.)

уже в детстве там полностью выбывали из строя до 200-300 астралов, так что без дополнительного запаса там просто было не выжить. Ещё более явной стала эта закономерность, когда я обнаружил, что до Первого пришествия Иисуса Христа у людей было в двадцать раз больше астралов из-за грязи, темноты и силы воздействия зла. У апостолов количество астралов колеблется от 30 до 70 тысяч, а у нормальных людей в те времена — от 5 до 10 тысяч. Нынешний уровень установился лишь в 3-м веке нашей эры.

Даже поверхностный анализ показал, что в России среди известных деятелей науки, искусства, политики и культуры не было и нет ни одного, кто не обладал бы повышенной мощностью. Без дополнительного запаса прочности трудно чего-либо добиться в этом мире. Конечно, мощность вовсе не определяет однозначно достижение популярности, да и само понятие успеха весьма неопределённо; но всё же приведу некоторые примеры (исходные цифры; измерено в начале 90-х годов). Джуна Давиташвили — 920 астралов, Анатолий Кашпировский — 960, Алан Чумак и Нинель Кулагина — 1100, Ури Геллер из США — 1400, Достоевский, Есенин и Окуджава — 600, Гоголь и Андрей Вознесенский — 700, Маяковский — 900, Владимир Высоцкий — 1100, Горький, Станиславский, Анна Ахматова — 1200, Карл Маркс — 1200, Владимир Ульянов-Ленин — 1000, Иосиф Сталин — 1500, Никита Хрущёв и Леонид

Брежнев — 1200. В течение жизни этим людям приходилось и приходится испытывать немало отрицательных воздействий, в том числе со стороны своих коллег, поэтому к зрелому возрасту действующими остаются порой около половины исходного количества астралов. Общей масштабности характера это не меняет, хотя то, что прежде получалось почти само собой, начинает требовать всё больших усилий. Впрочем, это в том случае, если у этих людей нет сильной поддержки из невидимого мира.

О своих заботятся обе стороны — и "тёмные", и "светлые". У Сатаны есть специальные заводы по производству вампирических и чёрномагических астралов для своих служителей. Положительные же астралы его интересуют мало, и убывание их общего количества у отрицательных душ идёт в основном за счет нормальных астралов. Отрицательные астралы до предела примитивны. Это, по сути, просто биороботы, в них нет ничего живого. Они запрограммированы на одну-единственную операцию. Я обнаружил это, когда, по недомыслию, стал-было бороться с вампиризмом — снимать с себя вампирические астралы. Но не успеешь снять один, как через минуту летит другой и вновь цепляется и сосёт. Я сначала не понимал: как это не слабеют вампиры, теряя такое количество астралов — по 50-100 зараз? Но оказалось, что они идут не от живого человека, а снизу, и их там миллионы. Человеком же этим

Сатана пользуется как маской или куклой, берет лишь внешнюю его форму, то есть живой человек выступает просто как наводчик, остальное делают сам Сатана и его подручные.

Положительные силы, насколько это возможно, чистят и восстанавливают разрушаемые чёрной магией астралы чистых людей. Это делается в основном через те религиозные каналы, о которых я уже говорил. Поэтому пребывание в религии — большая защита для положительных людей; без этого они редко сохраняют себя и свои способности в сатанинском мире. Но в особых, очень важных случаях людей хранят даже без прямой религиозной просьбы, и в критических ситуациях могут даже добавлять некоторое количество астралов вместо поврежденных. И напротив, если люди не используют свои способности по назначению, если часть астралов у них пребывает без дела, их забирают: "Имущему дастся, а у неимущего отнимется даже и то, что имеет". И когда я стал выяснять, куда забирают, то вышел на одну интересную связь с чистилищем.

Оказалось, что грешит тоже не вся душа, а какая-то часть астралов. Более легкие грехи отрабатываются быстрее, и довольно часто встречаются случаи, когда душа вновь воплотилась на Землю, а какая-то её часть в чистилище ещё продолжает учиться избегать искушений и соблазнов. Однако же небольшое число грешных астралов приходит на Землю, и

если нам в земной жизни удаётся преодолеть данный грех, данный соблазн, то ускоряется и очищение астралов в чистилище. На определенном этапе жизни они возвращаются в распоряжение души. Но это возможно лишь для чисто живущих душ. Впервые я это обнаружил у преподобного Сергия Радонежского. У большинства людей к концу жизни число астралов падает, а у него возросло, причём значительно — на 400 единиц. Есть случаи, когда у людей в земной их жизни астралов меньше, чем в чистилище.

Какая тут возможна динамика, хорошо видно на наших бывших политических лидерах. У М. Горбачёва до путча 1991 года было 600 астралов, после путча стало 980. Покойный А. Собчак родился с 600 астралами, при вступлении в КПСС потерял 200, после избрания мэром у него стало 700, после путча — 960 астралов. У Ельцина в ночь штурма Белого дома (20 августа 1991 г.) число астралов увеличилось до 1200, но на короткое время — вскоре после спада напряжения оно вернулось к 920: остальные, повидимому, ещё не были готовы, не были надёжны для постоянного здесь пребывания.

В общем, тема эта очень интересная и явно имеющая неизвестные мне пока повороты. А методика поиска своих, да и чужих астралов работает. Когда вытаскиваешь их из разных ям, залитых смолой, из-под огромных плит, освобождаешь от коконов, гвоздей, гробов и

иных традиционных структур наговорного колдовства, человеку становится гораздо легче дышать, прибавляется сил, настроения, желания жить. Когда все астралы собраны и освобождены, через них можно лечить пациента. Можно спросить, у каких астралов болит живот, и они появятся перед вами, показывая, что у них не в порядке, затем спросить, у кого болит голова, руки, ноги, и т.д. У зрелых душ бывают очень мудрые астралы, они часто помогают лечить себя, подсказывают, что им нужно, на что ещё обратить внимание, и т.д.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ПАТАНДЖАЛИ (Санскр.) Основатель философии Йоги. Востоковеды относят время его жизни к 200 г. до Р.Х.; оккультисты - ближе к 700, чем к 600 г. до Р.Х. В любом случае он был современником Панини.

ПАВАКА (Санскр.) Один из трех персонифицированных огней - старших сынов Абхиманима или Агни, у которого было сорок пять сыновей; они вместе с первым сыном Браммы, их отцом Агни, и его тремя отпрысками образуют мистические 49 огней. ПAVAKA есть электрический огонь.

ПАВАМАНА (Санскр.) Другой из трех огней (См. выше) - огонь, производимый трением.

ПАВАНА (Санскр.) Бог ветра; предполагаемый отец обезьяны-бога Ханумана. (См. "Рамаяна".)

ПЕЛИНГ (Тибет.) Имя, даваемое всем чужеземцам в Тибете, особенно европейцам.

ПЕНТАКЛ (Греч.) Любая геометрическая фигура, особенно та, которая известна как двойной равносторонний треугольник, шестиконечная звезда (подобно теософическому пентаклу); называлась также печатью Соломона, а еще раньше - "знаком Вишну"; применялась всеми мистиками, астрологами и т.д.

ПЕНТАГОН (Греч.) От pente - "пять", и gonía - "угол"; в геометрии - плоская фигура с пятью углами.

ПЕР-М-РХУ (Егип.) Это имя есть общепринятое произношение древнего названия собрания мистических наставлений, по-английски называемого "The Book of the Dead" ("Книга Мертвых"). Найдено несколько почти полных папирусов, и существуют бесчисленные сохранившиеся копии частей этого труда. (у.у.у.)

ЛИЧНОСТЬ В Оккультизме - подразделяющем человека на семь принципов, рассматривая его в трех аспектах божественного, мыслящего или разумного, и животного человека - низшая четверка или чисто астрофизическое существо, тогда как под Индивидуальностью подразумевается Высшая Триада, рассматриваемая как Единство. Таким образом, Личность охватывает все характерные черты и воспоминания одной физической жизни, в то время как

Индивидуальность есть неуничтожимое Эго, которое перевоплощается и облекается в одну личность за другой.

ПЕШ-ХУН (Тибет.) От санскритского пешуна - "шпион"; эпитет, данный Нараде, назойливому и беспокойному Риши.

ПХАЛА (Санскр.) Воздаяние; следствие или результат причин.

ПХАЛГУНА (Санскр.) Имя Арджуны; также название месяца.

ФАЛЛИЧЕСКИЙ (Греч.) Все, что относится к половому культу; или внешне имеет сексуальный характер, как, например, индусские лингам и иони - символы мужской и женской производящей силы, - которые не обладают ни одним из тех нечистых значений какие им приписываются западным умом.

ФАНЕС (Греч.) Один из Орфической триады - Фанес, Хаос, Хронос. Это также была троица западных народов в до-христианский период.

ФЕНОМЕН (Греч.) Фактически, "появление", нечто до этого невиданное, и загадочное, когда причина его неизвестна. Оставляя в стороне различные виды феноменов, такие как космические, электрические, химические и т.д., и говоря исключительно о феноменах спиритизма, не забудем, что теософически и эзотерически каждое "чудо" - начиная с библейских и кончая тавматургическими - есть просто феномен, но ни один феномен никогда не является чудом, то есть чем-то сверхъестественным или находящимся вне законов природы, так как подобное в природе невозможно.

ФИЛАЛЕТЕЯНЕ (Греч.) Букв., "любящие истину"; имя это дано александрийским неоплатоникам, называемым также аналогистами и теософами. (См. "Ключ к Теософии", с. I, и дальше.) Эта школа была основана Аммонием Саккасом в начале третьего века, и просуществовала до пятого. К ней принадлежали величайшие философы и мудрецы того времени.

ФИЛАЛЕТ, Евгений Розенкрейцерское имя, принятое Томасом Ваганом, английским оккультистом и философом огня средневековья. Он был выдающимся алхимиком. (у.у.у.)

ФИЛЭ (Греч.) Остров в Верхнем Египте, где был расположен знаменитый хам того же названия, руины которого путешественники могут увидеть по сей день.

ФИЛОН ИУДЕЙ Эллинизированный еврей из Александрии, известный историк и писатель; родился около 30 г. до Р.Х., умер около 45 г. н.э. Таким образом, он должен был быть хорошо знаком с величайшим событием первого века нашей эры, и с фактами о Христе, его жизни и драме Распятия. И все же он совершенно умалчивает об этом, как в своем тщательном перечислении сект и братств, существовавших в то время в Палестине, так и в своих описаниях Иерусалима тех дней. Он был большим мистиком, и его работы изобилуют метафизическими и благородными мыслями, а в эзотерических знаниях ему не было равных в течении нескольких веков среди самых лучших писателей. (См. "Филон Иудей" в Словаре в "Ключ к Теософии".)

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ Называется также "Порошком Проекции". Это есть

Magnum Opus алхимиков, цель, к достижению которой они стремятся любой ценой, субстанция, обладающая силою превращать менее благородные металлы в чистое золото. Однако, мистически, Философский Камень символизирует трансмутацию низшей животной природы человека в высшую и божественную.

ФИЛОСТРАТ (Греч.) Биограф Аполлония Тианского, описавший жизнь, путешествия и приключения этого мудреца и философа.

ФЛА (Греч.) Небольшой островок на озере Тритония, во время Геродота.

ФЛЕГИА (Греч.) Затонувший древний остров в доисторические времена, отождествленный некоторыми писателями с Атлантидой; также народ в Фессалии.

ПХО (Кит.) Животная Душа.

ФЕБА (Греч.) Имя, данное Диане, или луне.

ФЕБ АПОЛЛОН (Греч.) Аполлон в качестве Солнца, "свет жизни и мира (world)".

ФОРЕГ (Греч.) Имя седьмого Титана, не упомянутого в космогонии Гесиода. Титан "тайны".

ФОРМИНКС (Греч.) Семиструнная лира Орфея.

ФОРОНЕДА (Греч.) Поэма, в которой героем является Фороней; труд этого не сохранился.

ФОРОНЕЙ (Греч.) Титан; предок и породитель человечества. Согласно легенде Арголиды, ему, подобно Прометею, было доверено принести огонь на землю (Павзаний). Бог реки в Пелопоннесе.

ФРЕН (Греч.) Пифагорейский термин, означающий то, что мы называем Кама-Манасом, все же осененный Буддхи-Манасом.

ПТАХ (Егип.) Бог смерти; подобен Шиве, разрушителе. В позднейшей египетской мифологии - бог солнца. Это трон или местонахождение Солнца и его оккультный Гений или Правитель в эзотерической философии.

ПТА-РА (Егип.) Один из 49 мистических (оккультных) Огней.

ПИКО Джованни, граф Мирандолы. Знаменитый каббалист и алхимик, автор трактата "о золоте" и других каббалистических трудов. Он бросил вызов Риму и Европе своей попыткой доказать божественную христианскую истину в "Зохаре". Родился в 1463 г., умер в 1494 г.

ПИЛАЛУ КОДИ (Тамил.) В популярной астрономии - прозвище, данное Плеядам, означающее "курица и цыплята". Также и французы, что довольно забавно, называют это созвездие "Клетка для цыплят".

СТОЛБЫ, Два. Якин и Боаз были поставлены у входа в Храм Соломона, первый по правую, второй по левую стороны. Их символизм развит в ритуалах франкмасонов.

СТОЛБЫ, Три. Когда десять Сефиротов расположены в виде Древа Жизни, две вертикальные линии разделяют их на 3 Столба, а именно: Столб Жестокости, Столб Милосердия, и центральный Столб Умеренности. Бина, Гебура и Ход образуют первый - Столб Жестокости; Кэтер, Тиферет, Иесод и Макут - центральный столб; Хокма, Хезед и Нецах - Столб Милосердия. (у.у.у.)

СТОЛБЫ ГЕРМЕСА. Подобно "столбам Сета" (с которыми они отождествляются), служили для ознаменования оккультных событий, и на них символически высекались различные эзотерические тайны. Такой обычай был всеобщим. Утверждают, что и Енох воздвигал столбы.

ПИНГАЛА (Санскр.) Большой ведийский авторитет по Просодии и тхандам Вед. Жил за несколько веков до Р.Х.

ВИНШАЛА (Санскр.) Дерево познания: мистический плод того дерева, "к которому шли Духи, возлюбившие Науку". Это аллегорично и оккультно.

ПИПНАЛАДА (Санскр.) Магическая школа, в которой разъясняется "Атхарва Веда"; основана Адептом того же имени.

ПИШАЧИ (Санскр.) В "Пуранах" - гоблины или демоны, сотворенные Брамой. В южноиндийском фольклоре - призраки, демоны, ларвы и вампиры (как правило женские), преследующие людей. Разлагающиеся остатки людей в Камалоке - оболочки и элементарии.

ПИСТИС СОФИЯ (Санскр.) "Отцы-Боги", лунные предки человечества.

ПИТАРЫ (Санскр.) Отцы, Предки. Отцы человеческих рас.

ПИТРИ (Санскр.) Предки или создатели человечества. Всего они делятся на семь классов, три из которых бестелесные, арупа, и четыре с телом. В народной теологии говорится, что они были сотворены из бока Браммы. Их генеалогия представлена по-разному, но в эзотерической философии они таковы, как показано в "Тайной Доктрине". В "Разоблаченной Изиде" о них сказано: "Обычно полагают, что этот индусский термин обозначает духов наших предков, развоплощенных людей, отсюда довод некоторых спиритуалистов, что факиры (и йоги) и другие восточные чудотворцы суть медиумы. Это ошибочно более чем в одном аспекте. Питри не являются предками ныне живущих людей, но предками человеческого рода, или Адамических рас; духами человеческих рас, которые на великой лестнице нисходящей эволюции предшествовали нашим человеческим расам, и которые физически, также как и духовно, были намного выше наших современных пигмеев. В "Манава Дхарма Шастре" они названы Лунными Предками". "Тайная Доктрина" теперь объяснила то, что было осторожно дано в более ранних теософических трудах.

ПИЯДАСИ (Пали.) "Прекрасный", титул Царя Чандрагупты ("Сандракотта" греков) и Ашоки - буддийского царя, его внука. Они оба правили в Центральной Индии между четвертым и третьим веками до Р.Х., называли их также Дэванампия, "любимец богов".

ПЛАКША (Санскр.) Одна из семи Двип (континентов или островов) в индийском Пантеоне и "Пуранах".

ПЛАН От латинского *planus* (уровень, плоскость), протяженность пространства или чего-либо в нем, физического или метафизического, например - "план сознания". В Оккультизме этот термин означает область или степень некоторого состояния сознания, или воспринимающей способности отдельных групп чувств, или действие определенной силы, или состояние материи, соответствующее одному из вышеупомянутых.

ПЛАНЕТАРНЫЕ ДУХИ Главным образом - владыки либо правители планет. Как наша земля имеет свою Иерархию земных планетарных духов, от наивысшего и до низайшего плана, так же ее имеет любое другое небесное тело. В Оккультизме, однако, термин "Планетарный Дух", как правило, применяется только по отношению к семи высшим Иерархиям, соответствующим христианским архангелам. Все они прошли ступень эволюции, соответствующую человечеству земли, на других мирах в давно прошедших циклах. Наша земля, будучи пока еще только в своем четвертом круге, слишком молода, чтобы производить высоких планетарных духов. Высший планетарный дух, правящий каждым небесным телом, фактически является "Личным Богом" этой планеты и, поистине, скорее его "управляющим проведением", нежели самопротиворечащим Бесконечным Личным Божеством современного церковничества.

ПЛАСТИЧЕСКАЯ ДУША В Оккультизме употребляется в отношении линга шариры или астрального тела низшей Четверки. Она называется "пластической", а также "Протею-подобной" Душой, за ее способность принимать любой вид или образ, и превращаться или придавать себе любую форму, запечатленную в окружающем ее астральном свете, или в умах медиумов, или присутствующих на сеансах материализации. Линга шариру нельзя смешивать с майави рупой, или "телом мысли" - образом, порожденным мыслью и волей адепта или колдуна, ибо в то время как "астральная форма", или линга шарира, есть реальное существо, "тело мысли" является временной иллюзией, созданной умом.

ПЛАТОН Посвященный в Мистерии и величайший греческий философ, труды которого известны во всем мире. Он был учеником Сократа и учителем Аристотеля. Жил за 400 лет до н.э.

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ШКОЛА или "Старая Академия", в сравнении с более поздней или Нео-Платонической Школой Александрии. (См. "Филалетеяне".)

ПЛЕРОМА (Греч.) "Полнота", гностический термин, принятый для обозначения божественного мира или Всемирной Души. Пространство, развитое и разделенное на ряд эонов. Обитель невидимых богов. Имеет три ступени.

ПЛОТИН Благороднейший, высочайший и величайший из всех неоплатоников после основателя школы Аммония Саккаса. Он был наиустремленнейшим из филалетеян или "любящих истину", целью которых было создание религии на основе системы мысленной абстракции, что является истинной Теософией, или всей сущностью Неоплатонизма. Если верить Порфирию, Плотин никогда не раскрывал ни места своего рождения или родословной, ни своей отчизны и расы. До двадцати восьми лет он не находил ни учителя, ни учения, которые удовлетворили бы его или отвечали бы его устремлениям. В это время ему посчастливилось услышать Аммония Саккаса, и с того дня он начал посещать его школу. В тридцать девять лет он сопровождал императора Гордия в Персию и Индию с целью изучения их философии. Он умер в возрасте шестидесяти шести лет, написав пятьдесят четыре книги по философии. Он был настолько скромн, что говорят, "стыдился думать, что имеет тело". Несколько раз в своей жизни он достигал Самадхи (высочайший экстаз или "воссоединение с Богом", божественным Эго). Как сообщает один биограф, "его презрение к своим телесным органам было настолько велико, что он отказывался принимать лекарство, считая употребление подобных средств недостойным человека". Также мы читаем, что "когда он умер, дракон (или змей), который находился под его кроватью, проскользнул в отверстие в стене и исчез" - факт, заставляющий задуматься изучающих символизм. Он учил доктрине, тождественной доктрине ведантистов, а именно, что Дух-Душа, эмануруя из Единого божественного принципа, по окончании своего путешествия воссоединяется с Ним.

ТОЧКА В КРУГЕ В своем эзотерическом значении - первый непроявленный логос, выявляющийся в бесконечном и безбрежном протяжении Пространства, представленного Кругом. Это план Беспредельности и Абсолютности. Это только одно из бесчисленных и скрытых значений этого символа, который является самой значительной из всех геометрических фигур, применяемых в метафизической эмблемологии. Что касается масонов, они из этой точки сделали "отдельного брата", долг которого перед Богом и человеком очерчен этим кругом, и добавили Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста, чтобы те сопровождали этого "брата", изобразив их двумя вертикальными параллелями.

РИМСКИЕ ПАПЫ-ЧАРОДЕИ История знает нескольких: например, папу Сильвестра II, художника, изготовившего "пророчествующую голову", подобную голове, сделанной Альбертом Великим, ученым епископом Ратисбона. Кардинал Бембо назвал папу Сильвестра большим "магом и колдуном", а "голову" раздробил на кусочки Фома Аквинский, потому что та слишком много говорила. Были еще папы Бенедикт IX, Иоанн XX и Григории VI и VII - современники их всех считали чародеями. Григорий VII был знаменитым Хильдебрандом. Что касается епископов и меньших священников, которые изучали Оккультизм и становились знатоками в магических искусствах - их число несметно.

ПОПОЛ ВУХ Священные Книги гватемальцев. Манускрипт киче, найденный Брассером де Бурбуром.

ПОРФИРИЙ Неоплатоник и выдающийся писатель, как учитель и философ уступая лишь Плотину. Он родился в первой половине третьего века н.э. в Тире, поскольку назвал себя тирийцем, и якобы происходил из еврейской семьи. Хотя он был с головы до ног эллином и язычником, его имя Мелек (царь), по-видимому, указывает, что в его жилах текла семитская кровь. Современные критики совершенно справедливо считают его самым практически философствующим и рассудительным из всех неоплатоников. Будучи выдающимся писателем, он был особенно известен своей полемикой с Ямблихом относительно бедствий, сопряженных с практикованием Теургии. В конце концов, все же, он принял точку зрения своего оппонента. Будучи прирожденным мистиком, он, подобно своему учителю Плотину, следовал истинной индийской подготовке Раджа-Йоги, которая ведет к воссоединению Души со Сверх-Душой или Высшим Я (Буддхи-Манас). Все же он жалуется, что, несмотря на все его усилия, он не достиг этого состояния экстаза, пока ему не исполнилось шестьдесят, тогда как Плотин в этом преуспевал. Вероятно, так было потому, что, в то время как его учитель смотрел на физическую жизнь и тело с величайшим презрением, ограничивая философские изыскания теми областями, где мысль и жизнь становились вечными и божественными, Порфирий все свое время посвящал соображениям, касающимся приложения философии к практической жизни. "Для него цель философии - нравственность", говорит биограф, "почти что можно сказать, святость - лечение человеческих недостатков, приобщение к более чистой и здоровой жизни. Чистое знание, как бы ни было оно истинно, само по себе недостаточно; знание имеет своей целью жизнь в соответствии с Ноусом" - "рассудком", переводит биограф. Однако, так как мы считаем Ноус не рассудком, но разумом (Манасом) или божественным вечным Эго в человеке, то мы бы перевели эту мысль эзотерически, и представили ее следующей: "оккультное или тайное знание имеет своей целью земную жизнь в соответствии с Ноусом, или нашим непрерывно воплощающимся Эго", что больше бы соответствовало мысли Порфирия, как и эзотерической философии. (См. Порфирий, "De Abstinencia", I, 29.)

Из всех неоплатоников Порфирий ближе всего подошел к истинной Теософии, как она теперь преподается Восточной тайной школой. Это показывают все наши современные критики и писатели по Александрийской школе, ибо "он утверждал, что Душу необходимо насколько возможно освободить от оков материи, ...быть готовым... отбросить все тело" ("Ad Marcellam", 34). Он советует практиковать воздержание, указывая, что "мы стали бы подобными богам, если смогли бы воздержаться как от овощей, так и от животной пищи". Он принимает теургию и магические заклинания неохотно, ибо они "бессильны очистить нозетический (манасический) принцип души"; теургия способна "очистить лишь низшую или психическую сторону, сделать ее способной к восприятию низших существ, таких как духи, ангелы и боги" (Авг., "De Civ. Dei", X, 9), - тому же учит и Теософия. "Не оскверняйте божественность", он добавляет, "пустыми людскими выдумками; вы не причините вреда извечно благословенному (Буддхи-Манасу), но вы сделаете себя слепыми к восприятию величайших и наиболее жизненных истин" ("Ad Marcellam", 18). "Если мы желаем освободиться от нападений злых духов, мы должны держать себя в чистоте от тех вещей, над которыми злые духи имеют власть, ибо они не осаждают чистую душу, которая не имеет ничего общего с ними" ("De Abstin.", II, 43). Это опять-таки наше учение. Отцы Церкви считали Порфирия самым заклятым врагом, самым непримиримым с Христианством. Наконец, и вновь как в современной Теософии, Порфирий - как и все неоплатоники, согласно Св. Августина - "почитал Христа, в то же время с пренебрежением относясь к Христианству"; Иисус, они утверждали, как и мы утверждаем, "сам ничего не говорил против языческих божеств, но творил чудеса с их помощью". "Они не могли называть его Богом, как это делали его ученики, но они почитали его как одного из самых лучших и мудрейших людей" ("De Civ. Dei.", XIX, 23). Все же, "даже в буре споров, кажется, едва ли слово вымолвлено против личной жизни Порфирия. Его система приписывала чистоту и ...он осуществлял ее". (См. "A Dict. of Christian Biography", т. IV, "Porphyry".)

ПОСЕЙДОНИС (Греч.) Последний остаток великого Атлантического Континента. Платоновский остров Атлантида в Эзотерической Философии считается термином, эквивалентным этому.

ПОСТЕЛ, Гийом. Французский адепт, родился в Нормандии в 1510 г. Его знания были замечены Франсуа I, который послал его в Левант на поиски оккультных манускриптов, где он был принят в Восточное Братство и посвящен. По возвращении во Францию он стал знаменит. Духовенство преследовало его, и, в конце концов, он был заключен в тюрьму Инквизицией, но был освобожден из застенка своими Восточными братьями. Его "Clavis Absconditorum", ключ к скрытым и забытым явлениям, пользуется большой репутацией.

ПОТ-АМУН Предположительно коптский термин. Имя египетского жреца и иерофанта, жившего при ранних Птолемах. Диоген Лаэртский сообщает, что это означает посвященного "Амуку", богу мудрости и тайного знания, каковыми были Гермес, Тот и Нэбо халдеев. Это должно быть так, ибо в Халдее жрецы, посвященные Нэбо, также носили его имя, назывались нэбоим, а в некоторых древнееврейских каббалистических трудах - "Абба Нэбу". Жрецы, как правило, принимали имена своих богов. Пот-Амуну приписывают, что он первый обучал непосвященных Теософии или основным чертам Тайной Религии Мудрости.

ПРАВХАВАПЬЯ (Санскр.) То, откуда все происходит и в чем все растворяется в конце цикла жизни.

ПРАЧЕТАС (Санскр.) Имя Варуны, бога воды, или, эзотерически - ее принцип.

ПРАЧЕТАСЫ (Санскр.) См. "Тайная Доктрина", II, с. 223, и дальше. Дакша является сыном Прачетасов, десяти сыновей Прачинаваха. Люди, наделенные магическими силами, в "Пуранах", которые, прибегая к религиозной аскезе, оставались в течение 10 000 лет погруженными на дне океана. Также имя Дакши, называемого Прачетаса.

ПРАДХАНА (Санскр.) Недифференцированная субстанция, также, и в других школах, называемая - Акаша; и Мулапракрити или Корень Материи ведантистов. Короче говоря, Первичная Материя.

ПРАГНА (Санскр.) или Праджна. Синоним слова Махат, Вселенский Разум. Способность к восприятию ("Т.Д.", I, 189.) Сознание.

ПРАХЛАДА (Санскр.) Сын Хираньякашипу, царя Асуров. Поскольку Прахлада был предан Вишну, злейшим врагом которого был его отец, он подвергался различным мучениям и наказаниям. Чтобы спасти от них своего приверженца, Вишну принял облик Нри-Синха (человек-лев, его четвертый аватар) и убил его отца.

ПРАДЖАПАТИ (Санскр.) Прародители; жизнедатели всего на этой Земле. Их семеро, и еще десять - отвечающих семи и десяти Сефиротам Каббалы; маздеанским Амеша-Спента и т.д. Брама, творец, называется Праджапати как синтез Владык Бытия.

ПРАКРИТ (Санскр.) Один из местных диалектов санскрита - "языка богов", и поэтому - его материализация.

ПРАКРИТИКА ПРАЛАЙА (Санскр.) Пралайа, следующая за Веком Браммы, когда все, что существует, растворяется в своей предвечной сущности (или Пракрити).

ПРАКРИТИ (Санскр.) Природа вообще, природа как противоположность Пуруши - духовной природы и Духа, которые вместе являются "двумя первичными аспектами Единого Непознаваемого Божества". ("Тайная Доктрина", I, 97.)

ПРАЛАЙА (Санскр.) Период обскурации или покоя - планетного, космического или вселенского - противоположность Манвантары. ("Т.Д.", I, 456.)

ПРАМАНТХА (Санскр.) Приспособление для получения священного огня трением. Палочки, используемые браминами для зажигания огня трением.

ПРАМЕЙИ (Санскр.) То, что следует доказать; объекты Праманы или доказательства.

ПРАМ-ГИМАС (Литов.) Букв., "Учитель всего", титул божества.

ПРАМЛОЧА (Санскр.) Апсара женского рода - водная нимфа, которая совратила Канду. (См. "Канду".)

ПРАНА (Санскр.) Жизненный Принцип; дыхание Жизни.

ПРАНАМАЙА КОША (Санскр.) Проводник Праны, жизни, или Линга Шарира; ведантийский термин.

ПРАНАТМАН (Санскр.) То же, что Сутратма, вечный зародыш-нить, на которую, подобно жемчужинам, нанизаны личные жизни Эго.

ПРАНАВА (Санскр.) Священное слово, эквивалент Аум'а.

ПРАНАЯМА (Санскр.) Задержание и управление дыханием в практике Йоги.

ПРАНИДХАНА (Санскр.) Пятое требование для йогов; постоянная преданность (см. "Йога Шастры", II, 32).

ПРАПТИ (Санскр.) От Prap, достичь. Одна из восьми Сиддхи (сил) Радж-Йоги. Способность мгновенно переноситься из одного места в другое с помощью одной лишь силы воли; способность предсказания, исцеления и прорицания, также сила Йоги.

ПРАСАНГА МАДХЬЯМИКА (Санскр.) Буддийская школа философии в Тибете. Она следует, подобно системе Йогачарья, заповедям Махаяны, или "Большой Колесницы"; но, будучи основанной намного позже Йогачарьи, она даже наполовину не столь строга и аскетична. Она полу-эзотерическая и очень популярна - и среди образованных, и в простонародье.

ПРАШРАЙА или Винайа (Санскр.) "Порождающая привязанность." Титул, присвоенный ведийской Адити, "Матери Богов".

ПРАТИБХАСИКА (Санскр.) Кажущаяся или иллюзорная жизнь.

ПРАТИСАМВИД (Санскр.) Четыре "неограниченные формы мудрости", достигаемые Архатом; последняя из которых является абсолютным знанием двенадцати Нидан и властью над ними. (См. "Нидана".)

ПРАТЬЯБХАВА (Санскр.) Состояние Эго при неизбежности повторных рождений.

ПРАТЬЯГАТМА (Санскр.) То же, что Дживатма, или единая живая Всемировая Душа - Алая.

ПРАТЬЯХАРА (Санскр.) То же, что "Махапралая".

ПРАТЬЯХАРАНА (Санскр.) Начальное обучение в практической Радж-Йоге.

ПРАТЬЯКША (Санскр.) Духовное восприятие с помощью чувств.

ПРАТЬЯСАРГА (Санскр.) В философии Санкхья - "умственная эволюция Вселенной"; в "Пуранах" - 8-е творение.

ПРАТЬЕКА БУДДА (Санскр.) То же, что "Паси-Будда". Пратьека Будда есть степень, принадлежащая исключительно школе Йогачарья, все же это всего лишь степень высокого интеллектуального развития, без истинной духовности. Это есть мертвая буква тех законов Йоги, в которых интеллект и умственное разумение играют главную роль, добавленная к строгому исполнению указаний по внутреннему развитию. Это один из трех путей к Нирване, и самый низший, по которому йог - "без учителя и без спасения других" - с помощью одной лишь силы воли и соблюдения условий технического порядка, индивидуально достигает разновидности номинального состояния Будды; никому не принося пользы, но эгоистично работая лишь для собственного спасения и для самого себя. Пратьеки почитаемы внешне, но презираемы внутренне теми, кто обладает острым и духовным распознаванием. Пратьеку обычно сравнивают с "Кхадга", или обособленным носорогом, и называют Экашринга Риши - самостный, обособленный Риши (или святой). "Как пересекающего Сансару ("океан рождений и смертей" или ряд воплощений), подавляющего ошибки, и все же не достигающего абсолютного совершенства, Пратьека Будду сравнивают с лошадью, которая пересекает реку вплавь, не касаясь дна" ("Sanskrit-Chinese Dict."). Он намного ниже истинного "Будды Сострадания". Он стремится лишь к достижению Нирваны.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ПОКОЙ

На работу Бенедикт ходить бросил. А зачем? Все равно пропадать. На его счастье, тут и лето настало, писцам отпуск вышел. А не то забрали бы его на дорожные работы, как Праздношатающегося. Пора уж было репу сажать, да тоска навалилась такая, что никакого прежнего к репе настроения у него не было. Сходил в дальнюю слободу, купил у голубчиков гонобобелю. Нюхал. Не сильно полегчало. На лежанке лежал. Плакал.

К Никите Иванычу ходил, пушкина из бревна помаленечку резал. Головка у идола уже круглилась, большая, как котел. Унылая. Нос на грудь свесился. Локоть торчал, как просили.

- Никита Иваныч. Как вы сказали, хвост-то этот называть?

- Атавизм.

- А какой еще атавизм бывает?

- М-м-м... Женщины волосатые.

- А когти?

- Не слыхал. Нет, наверно.

К Марфушке думал сходить. Передумал. Шутить скучно было, а в воплях её да оладьях не было уж того интересу.

Сходил к дому, где Варвара Лукинишна жила. Посмотрел через забор. Белье на веревках висит. Во дворе желтунчики выросли. Не зашел.

Ржави выпил бочки три, хотел забыться. Так и ржавь в голову не взошла, зря живот надул. Уши - да, уши как бы слегка оглохли, это да. Взор тоже

помутился. Но в голове ясность невозможная, али сказать, простор, и в просторе - пусто. Степь.

Хотел котомку собрать, - и на юг. Палицу вырезать большую, - от чеченцев отбиваться, - и к морю. А какое то море - кто знает. Кто как хочет,

так его себе и представляет. Пешего ходу, говорят, три года. А Бенедикту так представлялось: выходит он на высокую гору, а с нее окрест далеко видать. Смотрит вниз, - а там море: вода большая, теплая, синяя, и вся плещет,

вся-то она играет да плещет! А волна по ней бежит мелкая да кудрявая, с белым завитком. А по морю тому все острова, острова, - как шапки островерхие. Да все зеленые, да той зеленью аж кипят. А по зелени - сады цветные, невиданные. А в тех садах растет дерево Сирень, про которое матушка сказывала. А цветки у той Сирени как кипень синяя, колокольцами, до земли свисают, на ветру полощутся. А на самом наверху, на макушке у тех островов - города. Стены белые, каменные, опояской. А в стенах ворота, а за воротами дорога мощеная. А по дороге на гору

пройтить, - и будет терем, а в тереме - лежанка золотая. На той лежанке - девушка, косу расплетает, один волос золотой, другой серебряный, один золотой, другой серебряный... А на ногах у ней когти... Вот она когтем-то зацепит... когтем-то...

...А то хотел на восход. Идешь, идешь... травы все выше да светлее. Солнце всходит, да сквозь них светом своим просвечивает... Идешь себе, ручейки малые перескакиваешь, речки вброд переходишь. А лес все путаней, как тканое полотно, а жуки так и вьются, так и жужжат. А в лесу поляна, а на поляне цветок тульпан, - красным ковром всю поляну укрыл, так что и земли не видать. А на ветвях-то хвост белый, резной, как сеть кружевная, то сойдется, то опять распустится. А поверх него того хвоста хозяйка, - Княжья Птица Паулин, глазами смотрит, сама на себя любит. А рот красный, как тульпан. А говорит она ему: "Здравствуй, Бенедикт, сокол ясный, проведать меня пришел?.. А нет от меня вреда никакого, а ты это знаешь... Иди сюда, Бенедикт, целовать меня будем..."

...Не пошел ни на юг ни на восход. Вроде и ясность в голове, а вроде и тупость какая. Собрал котомку, а потом опять разобрал, смотрит: чего я туда наложил-то? Ножик каменный, которым пушкина резал. Другой ножик. Долото. Гвоздей зачем-то взял деревянных. Зачем ему на юге гвозди? Вынул.

Штаны запасные, еще крепкие, почти без заплат... Миску, ложку уложил. Вынул. Что из них есть-то? Как еду варить? Без огня?

Никуда без огня не уйдешь.

Вот бы Никиту Иваныча с собой взять... Шли бы вдвоем, беседы беседовали. Ночью - костерок. Рыбки наловить, если не ядовитая, - супчик сварить...

А только далеко не уйдешь. Хватятся его. Как у кого печь погаснет, сразу хватятся. Забегают: Никита Иваныч!.. Подать сюда Никиту Иваныча!.. Да и Бенедикта хватятся. Догонят, по шеям накладывают, белые руки за спину заломят: пожалуйста жениться! Жениться, жениться!..

А то, может, и правда: жениться? Ну что когти? - когти постричь можно. Можно постричь... Не в том дело... Человек - он не без изъяну. У того хвост, у того рога, у того гребень петушиный, чешуя, жабры... Морда овечья, да душа человеческая. А только не так он хотел... Думал по саду-огороду гулять, цветки колокольчики вместе нюхать. Завести разговор какой серьезный, про жизнь, али про природу, чего в ней видать... Стихи припомнить какие...

Но крепче за спиной рука,
Тревожней посвист ямщика,
И сумасшедшая луна
В глазах твоих отражена.

А она чтоб дивилась да слушала. Глаз не сводила. А вечером мышку поймать, в кулачок спрятать, и, игриво так: ну-к, мол, что это у меня тут?.. Отгадай?.. А она эдак покраснеет:

- Контролируй себя, сокол ясный...

А то на работу вернуться. Книжицы переписывать. Вытянешь шею - и переписываешь... Интересно... Чего там еще люди в книжках-то делают?.. Поехали куда... Али убивают друг дружку... Али любовь какую чувствуют... И-и-и-и-и-и, сколько их, людей этих, в книжках-то!.. Переписываешь да переписываешь. Потом на палец плюнул, свечу загасил, - и домой... Придет осень, листья с деревьев осыплются... Снегом покроется земля... Заметет избу по самые окна... Зажжет Бенедикт мышиную сальную свечку, сядет за стол, подопрет голову рукой, пригорюнится, глядя в тощий огонек: темные бревна над головой, вой снежных пустошей за стенами, вой кыси на темных ветвях в северной чаще: кы-ысь! кы-ысь! Так завоет, будто ей недодали чего, будто нет ей жизни, если не выпьет живую душу, нет покоя, голодом свело кишки, и мотает она незримой головой, и вытягивает незримые когти, шарит ими по темному воздуху, и причмокивает холодными губами, ищет теплую человечью шею, - присосаться, упиться, наглотаться живого... Мотает она головой, и принюхивается, и почуяла, и соскочила с

ветвей, и пошла, и плачет, и жалуется: кы-ы-ысь! кы-ы-ысь! И снежные смерчи поднимутся с темных полей, где ни огонька над головой, ни путника на бездорожье, ни севера, ни юга, только белая тьма да метельная слепота, и понесутся снежные смерчи, и подхватят кысь, и полетит над городком смертная жалоба, и заметет тяжелым сугробом мое слабое, незрячее, захотевшее пожить сердце!..

...Оленькина семья к свадьбе готовится. На осень назначено. Жить, говорят, к нам переедешь. Отъешься, сил наберешь, а там и к делу тебя пристроим хорошему. Какие у них могут быть дела, у санитаров... и думать не хочется...

...Пушкина, что ли, опять пойти подолбить. У Никиты Иваныча, у старика, сейчас две мечты дурацких: Бенедикту хвостик обрубить, да пушкина на перекрестке воздвигнуть, на Белой Горке. Дался ему этот пушкин. Дрожит над ним, и Бенедикту дрожать велит, вроде как благоговеть. Много, говорит, он стихов понаписавши, думал, не зарастет народная тропа, дак только если не пропалывать, так и зарастет. Вон, говорит, что Федор Кузьмич-то, слава ему, вытворяет: сел на книжки сиднем, да с них и переписывает. Народную тропу мусорит. Всю славу себе хочет, а это мараль. Это нехорошо. Понимаешь ты, Бенедикт, что это нехорошо? А мы с тобой, юноша, идола воздвигнем на перекрестке, и это будет наш

вызов и протест. Работай себе вдохновенно и истово, а если я иногда покричу, то на мои филиппики внимания не обращай. А как из бревна ручка-то с пальчиками показалась, так Никита Иванович руками всплеснул: талант у тебя, Бенедикт, право, талант! Вот тут еще маленечко подрежь. Пущай он у нас стоит, головку склонимши, слушает, как мышь шуршит, как ветерок повеваает, как жизнь идет себе куда-то, все идет да идет, да все идет да идет, день за днем!.. День за днем!..

...Лето в пышный цвет облоклось, дни длиннее стали. Пушкин уж на кафтан пошел. Днем Бенедикт пушкина тюкал, к вечеру щепки - на растопочку, супчику разогрели, похлебали, и на крыльцо, - курить. Куришь, вздыхаешь, вдаль смотришь, голова ничем не занята: опять в ней видения завелись.

Вот опять, об вечернюю пору, как заре желтеть да гаснуть, как туману собираться в низинах, первой звезде выходить на небо, деревянице из дубравы мякать, - об эту пору опять стала Бенедикту Оленька представляться. Вот сидит он на крыльце, курит, смотрит, как небо гаснет; вот уж воздух синий становится, холодный; тишина подступает, как если б одеяло кто на уши наложил. В траве прошуршало, - и опять тишина. Понизу все синим-сине, а вверху ровно, желто светится, догорает; а по желтому то розовым мазнет, то, глядь, серое облако веретеном протянется, повисит-повисит, малинову кромку

поверху себя пустит, да и померкнет, и нетути его. Будто кто пальцами водит, зарю размазывает.

А из сумерек опять Оленька выступает, словно в воздухе нарисованная. Сама чуть светится как огонек, а сквозь нее все видать, слабенько так, темненько. А головка у ей гладенько причесана, а пробор светится. А личико у Оленьки белое-белое, не шелохнется; а шея в дюжину рядов бусами спеленута, до самой ямочки на подбородке; и на лбу, и на ушах все бусы, бусы, висюльки тож. А глазища у Оленьки в пол-лица, поверху ажно под брови подходят, по сторонам до самых до висков, сами темные, а сами блестят, как вода в бочке в полночь. А глядит она этими глазищами в самую твою середку, так глядит, будто чего сказать хочет, а нипочем не скажет. И смотрит, и глаз с тебя не сводит, и словно усмехається, али вопроса ждет, али словно щас запоеет, рта не раскрывши. А рот у ей, у Оленьки, красный, а сама белая, а от виденья от этого таковая жуть, будто не Оленька это, а сама Княжья Птица Паулин, да только не добрая, а словно она убила кого и рада.

И такой морок на Бенедикта найдет, словно он гонобобелю нанюхамшись. Ноги, седалище словно морозом обметало, а в пальцах будто звон какой и мурашки. И в грудях, али сказать, в желудке, тоже звон, глухой такой, словно кто туда каменное ведро вторнул, пустое. А морок этот, на Оленьку похожий, ресницами поведет и опять смотрит, а глазищи у него еще больше

стали, а брови союзные, черные, а меж бровей камушек, как слезка лунная.

Чего она от него хочет, проклятая?..

Этот пушкин-кукушкин тоже, небось, жениться не хотел, упирался, плакал, а потом женился, - и ничего. Верно? Вознесся выше он главою непокорной александрийского столпа. В санях ездил. От мышей тревожился. По бабам бегал, груши околачивал. Прославился: теперь мы с него буратину режем.

И мы ничем не хуже. Так? Ай нет?

- Иммануил Кант, - наставлял Главный Истопник, - и тебе, склонному к философствованию, полезно это имя запомнить, - Иммануил Кант изумлялся двум вещам: моральному закону в груди и звездному небу над головой. Как сие надо понимать? - а так, что человек есть перекресток двух бездн, равно бездонных и равно непостижимых: мир внешний и мир внутренний. И подобно тому как светила, кометы, туманности и прочие небесные тела движутся по законам нам мало известным, но строго predetermined, - ты меня слушаешь? - так и

нравственные законы, при всем нашем несовершенстве, predetermined, прочерчены алмазным резцом на скрижалях совести! огненными буквами - в книге бытия! И пусть эта книга скрыта от наших близоруких глаз, пусть таится она в долине туманов, за семью воротами, пусть перепутаны ее страницы, дик и

невнятен алфавит, но все же есть она, юноша!
светит и ночью! Жизнь наша, юноша, есть поиск
этой книги, бессонный путь в глухом лесу,
блуждание

наощупь, нечаянное обретение! И наш поэт,
скромный алтарь коему мы с тобой воздвигаем,
знал это, юноша! все он знал! Пушкин - наше все,
- и звездное небо, и закон в груди!

- Ладно, - сказал Бенедикт. Бросил окурок,
затер лаптем. - Хрен с вами, Никита Иванович.
Рубите хвост.

И лег поперек лавки.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

23

Дома Данилов расстегнул пуговицы рубашки. Оголил плечо. Черной дыры не было. Данилов отклеил прозрачный пластырь и ножницами потихоньку высвободил шелковые нитки. Кожа стянулась, ничто не напоминало о гравитационном коллапсе. А ведь где-то, подумал Данилов, в соседней вселенной открылась нынче белая дыра. Всё вещество, словленное Кармадоном для губительного снаряда, утекло туда. Да и табуретка Данилова и вилки с кухонного стола явились, видно, в ту вселенную подарком. Данилов вздохнул. Удивительно, что не ушли в черную дыру его кости и внутренности. Слаба, что ль, дыра была или что другое удержало их? Тут Данилов с некоей надеждой подумал, что, может быть, он напрасно грешил на Кармадона, что вдруг и Бек

Леонович с Синезудом были затянуты в черную дыру и сейчас пришельцами вынырнули из белой дыры в неизвестной Данилову вселенной? Хорошо бы так, уж потом Данилов нашел бы способ вызволить их и вернуть в отчие места.

Какой способ?! Когда — потом?!

Что он Наташе морочит голову, если сам живет под дамокловым мечом и время его последними крупинками истекает в песочных часах! В особенности теперь, после запретного поединка!

В дверь позвонили. На пороге стоял Переслегин.

— Здравствуйте, — сказал Переслегин. — Извините, что надолго исчез. Был в командировке, в Горьком.

Тут бы им сразу сказать друг другу о главном, а они замолчали. Данилов даже засуетился, будто давая Переслегину понять, что времени у него мало.

— Я к вам ненадолго, — сказал Переслегин.

— Да нет, что вы... — смутился Данилов.

— Вы посмотрели? — спросил Переслегин.

— Да, — кивнул Данилов.

— И как?..

— Мне понравилось... Я ведь вам так и написал...

— Да-да, — согласился Переслегин. — Я очень благодарен...

Он замолчал, смотрел на Данилова, ждал, видно, еще каких-то добрых слов о своем сочинении, а у Данилова все ощущения от музыки Переслегина будто пропали.

— Я бы исполнил вашу симфонию, — сказал Данилов.

— Вот и исполните! — обрадовался Переслегин.

— Кто же меня выпустит на сцену? Где? И с каким оркестром?

— Это все можно устроить! — махнул рукой Переслегин. — Главное, что вам понравилась партитура!

Данилов посмотрел на Переслегина с удивлением. Экий прыткий! Совсем иное мнение он составил о натуре композитора в прошлый раз.

— А отчего вы дали главную партию в симфонии альту?

— Я и сам не знаю отчего, — сказал Переслегин. — Ведь когда начинаешь творить... Простите за пышное слово... Когда начинаешь сочинять музыку, разве делаешь это холодным умом! Уж потом, после, можешь объяснять себе, ак возник этот звук, эта мелодия и как эта... Со мной так, с другими, возможно, иначе... Значит, к альту лежала моя душа... В скрипке, уверен, женское начало... Озорная девчонка, печальная женщина, трагическая старуха — это

все для меня скрипка... А в альте больше твердости, больше драмы, альт — мужчина... Я не знаю... Я стал писать музыку — и во мне зазвучал альт... Вот и все...

— Но альт-то, согласитесь, нынче не солист, он инструмент вспомогательный, он у скрипки, у голоса человеческого, — в слугах!

— Нет, нет и нет! Инструментов-слуг быть не должно! И не может быть! В музыке всё великое, и всё может прозвучать! Надо только дать звук! Надо уметь найти этот звук! А что до альта, то для него и Берлиоз писал симфонию.

— Берлиоз писал "Гарольда" для альта Паганини! — воскликнул Данилов.

— Ну и что же?

— Как и что же! А теперь-то кто сыграет?

— Вы и сыграете, — сказал Переслегин.

— Я... Но что выйдет? Почему вы пришли ко мне?

— Я слышал, как вы играли в НИИ машинные сочинения. Поэтому я к вам и пришел. Я знаю многих альтистов, а пришел к вам...

"Каким рохлей и несчастным человеком показался он мне в прошлый раз, — подумал Данилов, — а в нем есть сила, он упрямый и знает, чего хочет... А если знает, чего хочет, и тем не менее верит в себя, значит, он и смелый..."

— Вам понравилось, как я играл? — спросил Данилов.

— Да, — сказал Переслегин. — И я счастлив, если вы поняли мою музыку. Я хотел бы показать вам другие свои сочинения... Там вещи для небольших составов... Квартеты, есть секстеты... С темами для импровизаций... Все великие музыканты прошлого были импровизаторами. Ведь так? А нынче выходит, что музыканты могут свободно выражать себя лишь в джазе... Я написал вещи и для вашего альта...

— Моего альта нет, — сказал Данилов.

— То есть как?

— Того альта, что вы слышали в НИИ, нет, его украли.

— Это грустно, — сказал Переслегин, печально взглянул на Данилова, и Данилов ощутил, что Переслегин понимает, какими были его муки. — Это грустно, — повторил Переслегин. — Но это ничего не меняет. Вы музыкант вовсе не потому, что имели Альбани.

Данилову оттого, что он своими словами о пропавшем альте чуть было не разжалобил самого себя, стало неловко, он поднялся и подошел к окну. Переслегин расценил движение Данилова как напоминание о ходе времени. Он тоже встал. А Данилову и вправду следовало отправляться в театр.

— Принесите мне свои новые произведения, — сказал Данилов. — Я пока не столь уверен в

себе, чтобы мечтать о сольных выступлениях. И не так молод, чтобы получить их. Но ваши вещи я погляжу с удовольствием.

— Вы говорите, где и с каким оркестром? — сказал Переслегин. — Есть один молодежный оркестр. Есть у меня и один дирижер. Я сведу вас с ним, если вы согласитесь...

Переслегин ушел, а Данилов, проводив его к лифту, почувствовал досаду. Он ждал разговора с Переслегиным, готовился к нему, бог весть что возлагал на этот разговор, а все вышло так, будто они с Переслегиным дело обсудили. Вроде покупки мебели или, на крайний случай, устройства левого концерта на клубных задворках. Он, Данилов, намерен был сказать Переслегину горячие и добрые слова, до того Переслегин их стоил, а сказал дурно и небрежно, будто подобные симфонии ему, Данилову, каждый день приносили с почтой. И его душа жаждала теперь высокой беседы о музыке, не о бойкой, шумной и пустяшной даме, а об истинной музыке, о какой древние говорили, что она — второй разум человеческого естества, что она любовь и наука, познающая согласованность во всем, что она — ненависть ко злу, но ненависть, являющаяся благом для людей. Вот так бы сели они с Переслегиным друг против друга и согласились бы, что в мире все — музыка и гармония или поиски гармонии, и что им вдвоем в этих поисках следует быть смелыми,

идти, рискуя и без оглядки... Нужен, нужен был такой разговор Данилову, нужно было ощущение поддержки собрата по искусству, умиление тем, что он, Данилов, не один, что его понимают. К малодушным Данилов отнести себя не мог, но не был он уверен в себе, не был, а ждал от себя в музыке многого! Наверное, Переслегин ушел от него расстроенный, не утоливший жажды. Вот всю жизнь так! И не поговоришь как следует с необходимым тебе человеком, не откроешь ему душу, его душу не обрадуешь, а в суете коснешься лишь случайным словом и унесешься дальше по пустяшным делам!

Все эти мысли посетили Данилова в мгновения, когда он спешно одевался на работу. Они были прерваны приходом водопроводчика Коли. Коля раскланялся в дверях и цепким взглядом, вытянув шею, попытался с порога обнаружить нечто в квартире Данилова.

— Коля, я бегу, — сказал Данилов.

— Случайно, Володя, инструменты мои у тебя не лежат?

— Нет, — сказал Данилов, — вы, Коля, их и не приносили.

— А я был у тебя вчера? — робко спросил Коля.

— Были. Но недолго.

— А где же я ещё-то был?

— Не знаю.

— А не на вокзале?

— Да, были с нами и на вокзале. На Павелецком.

— А не на Курском?

— Не помню, — сказал Данилов. — Возможно, что и на Курском. Вы у Земского спросите, вы с ним вместе держались... Но инструменты вы, точно, с собой не носили...

— А я ел чего-нибудь? Отчего у меня дым изо рта идет?

— Табачный?

— Нет, паровозный!

Коля дыхнул, и из его рта действительно повалил тяжелый антрацитовый дым.

— Не знаю, — сказал Данилов. — Теперь и паровозов-то нет... Вы, Коля, бесалол примите, у вас все и пройдет...

— Я уж это принимал, а то бесалол!

Глаза у Коли стали вдруг хитрые.

— Знаешь что, Володя, — сказал Коля, — дай мне два раза по четыре рубля, и я буду молчать.

— Денег, Коля, у меня нет. А о чем молчать-то?

— О приятеле твоём. Андрее Ивановиче из Иркутска.

— Да говори о нём сколько хочешь!

— Ну смотри, — сказал Коля со значением. — А он мне шапку из белок обещал прислать. Он пришлет?

— Раз обещал — жди. А я побегу!

С этими словами Данилов вытолкнул Колю в коридор, запер дверь и направился к лифту. Тут Коля закашлялся — и лестничную клетку заволокло дымом.

Проезжая Сретенку в троллейбусе, Данилов заметил, что по тротуару со скоростью машины, но и не спеша, за ним идет румяный Ростовцев. Круглыми глазами из-под очков Ростовцев поглядывал на Данилова, будто исследователь-натуралист. На голове его был черный котелок, каких уж лет восемьдесят не видели на Сретенке, в руке Ростовцев держал дорогую трость с желтой костяной ручкой, увенчанной фигуркой двугорбого верблюда-бактриана, а на левом боку его, там, где военные люди должны были бы иметь кобуру с пистолетом Макарова, прямо поверх пальто висел на ремне метровый турецкий кальян. Ростовцев шел, шел, а увидев, что Данилов заметил его, приподнял котелок и поклонился Данилову.

Однако выражение лица у него при этом было самое злодейское.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

Шеврикука,

или Любовь к приключению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские Истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

10

Шеврикука брел по Звездному бульвару. Когда он пробирался на лыжную базу, небо было голубое, без сметаны, столь свойственной в последние годы московскому безоблачью, вызываемой, по всей вероятности, техническими играми человека и рождающей печаль по истинной небесной лазури. Где нынче

та лазурь? Если только в Италии. Или на полотнах Сильвестра Щедрина. И листья на тополях, березах и липах тогда не трепетали. А утром граждан по радио призывали закрывать окна и форточки, брать зонты, надевать резиновую обувь и стараться не выходить из помещений. Циклон от фиордов Норвегии гнал ураган из новгородской земли в тверскую, рвал там крыши, свирепствовал на фермах, подымал в воздух свиней и коров, разорил отделение милиции в Торопце, искорежив мотоциклы с колясками. Да что коляски! Автобусы переворачивало, трубы электрических станций осыпало на землю кирпичами и, похоже, могло раскачать Останкинскую башню. Объявлено было о временной эвакуации персонала.

По часам Башне уже полагалось раскачиваться. А она стояла ровно. И стёкла поблизости - ни в жилых домах, ни в учреждениях - не звенели и не бились. Небо затянуло, но никаких свирепостей и буйств в воздухе не происходило. Шел тихий прохладный дождь. И все.

"Ну не ураган. Ну дождь. Опять врет прогноз. Ну и что? Мне-то что?" - думал Шеврикука.

Подступила тоска, и избежать ее он не мог. Проще всего было бы объяснить тоску явлениями природы, сменой небесных обстоятельств, но вышла бы ложь. Да и что бы отменили какие-либо объяснения? Ничего. При

подходе к Апартаментам Гликерии на него набросился страх, предощущение Ужаса. Пугаться Шеврикуке приходилось часто, но обычно он сознавал степень угрозы, ее пределы и неизбежность ее разрешения. Или тут же вспоминал трын-траву. Предощущение Ужаса он не испытывал давно, шепот о Чудовище выдавило его сознание, почти забывшее о случаях встреч с силами, желавшими раздавить его и вобрать в себя. От Гликерии Шеврикука уходил в отчаянном кураже, полагая, что его караулят. Но никто его не караулил. И никто на него не напал. Теперь Шеврикука думал: будут караулить и нападут. Но ощущения Ужаса уже казались краткими, и потому с ними можно было согласиться. Приступу же тоски, Шеврикуке знакомому, предстояло длиться вечность, и хуже всего в нем было однообразие тихой боли разума. Эта боль замком затворяла действия и решения.

Шеврикука свернул на Шереметьевскую улицу, дошел до грязного путепровода, у серого бетонного парапета его встал. Под мостом, разрывая Марьину Рощу, текли рельсы ко Ржеву. Менее всего любил Шеврикука в Москве раны железных дорог, запахи гари, металла, черных и коричневых жидкостей, бестолочь брошенных кем-то вагонов, цистерн, холодильников, с ржавыми и битыми боками, нагорья мусора, отходов,хлама, вышвырнутого с небрежностью неуважения к живому, к травинке зеленой и к голубокрылой стрекозе, к

чистой капле, — калеченые строения, сараи, гаражи, всунутые там и тут безмозглыми и наглыми поденщиками, весь этот хаос и безобразие случайных, проносящихся куда-то временных жителей Земли. Отчего же куда-то? В тупик! В тупик! В тупик! А скорость не утишишь и не остановишь гон колес, исход один...

В приступы тоски Шеврикука приходил и сюда. В особенности угодно было ему стоять у парапета над Ржевской линией в зимние темно-серые сырые дни. Снег в грязи и копоты усугублял вид городского безобразия. Все понятия о соразмерном и ладном были нарушены и на мосту, и под ним - на путях, вблизи них, на полосах отчуждения. Ничто соразмерное, чистое, незапятнанное и ладное нигде вообще не присутствовало, все было сплошным отчуждением, все - в порче и нечистотах, и ничего никто изменить не мог.

О, стужа и тоска Земли!

"Все было! Было! Было! И ничего не будет!"

Шеврикука побрел домой.

"На острове Тоски двадцать две стальных доски..." И все же что-то озадачивало в Останкине Шеврикуку, Может, тишина? Но откуда ж тишина? И день сочился, и шли троллейбусы, и неслись автомобили, и стояли милиционеры. Однако скандального скрежета машин Шеврикука не слышал, не врезался металл в металл; штанги троллейбусов не соскакивали с проводов, не обрушивались на головы прохожих, не обдавали их искрами,

таксисты и милиционеры не матерились. Если не тишина, то что же? Смирность некая была в Останкине и Марьиной Роще. Смирность. Или даже смирение...

Он выходил от Гликерии с вызовом: "Нате, вбирайте!" Но никто его не караулил и не вобрал в себя. А может быть, оттого, что он отделался от наследия Пэрста-Капсулы, сбавил его, сплавил в чужие руки? А часом раньше на него напали именно из-за двух мелких металлических вещиц? Нет, такой отгад Шеврикука запретил себе держать в голове, а мысли о Чудовище следовало истребить, как блажь, иначе бы в нем остался испуг. И надолго. Однако он вспоминал, что вручал вещицы Гликерии чуть ли не с удовольствием. Или со злорадством. Впрочем, нет! Но если не с удовольствием и злорадством, то с явным пониманием, что он Гликерию затруднит. Может, даже принесет ей беды. Он явился к Гликерии зря, доверять ей было нельзя, и раз кончено - значит, кончено! Но когда услышал о корте, о манеже, о пусанском диалекте, представил, как принесут Гликерии короткую теннисную юбку - к загорелым ногам, — и амазонку, — в нем, как и в Невзоре-Дуняше, выиграло. Ну да, конечно, урожденная графиня Тутомлина, пусть и воспитанница, пусть и без приданого, пусть и страдавшая невинно, а он - кто? Опять же у нее не квартира на Знаменке и не два подъезда в Землескребе, а трехэтажный дворец - позднее барокко, с завитушками рококо, конец восемнадцатого века, с подвалами

белого камня времен Алексея Михайловича. Пусть бывший дворец сейчас не дворец, но не исключено, что в будущем - опять дворец. Да, можно было объяснить ее капризы последних месяцев и ее претензии. Гликерия маялась - кто она и что ей делать. Не отменена ли она как привидение, не потеряла ли свойства, и кому ей являться? У шумноговорящих властей было много безумных идей, задумок, подвижек, но не было денег (может, и были, но утекали в приготовленные кошельки). Решениям же властей, в чем и состояли нынче их стиль и прелесть, полагалось быть неоднозначными и непредсказуемыми. А потому из части дворца Тутомлиных еще не вывели коммунальные квартиры, другую часть изредка посещали реставраторы, а третью часть пока лишь обследовали архитекторы. В коммунальных квартирах явления белой красавицы в ларинском платье не вызывали никаких чувств, хватало своих забот, хорошо хоть привидение не значилось услугой в платежных книжках. А люди искусства, архитекторы и реставраторы, в доме не ночевали. Каково приходилось Гликерии! Снизойдя к ее утратам и печалям, ей разрешили и часы дежурств проводить в Доме Привидений, а на Покровку являться, когда пожелает. Но теперь дом на Покровке стали смотреть! И кто? Выгодные деловые люди, купцы, милосерды и благодетели. Под офисы, под конторы таинственных жонглеров компьютерами, способных накормить жетонами

метро. Но прельстительнее всего - под резиденции конвертируемых особ. Поначалу полагали, что особ этих неудобства проживания с призраками и привидениями могут огорчить. И отпугнуть. Провинциальные заблуждения! Одухотворенные особняки любители готовы были купить и перевезти и в Сиэтл, и в Карсон-Сити. А известия о том, что в видении дома на Покровке проявляются лучшие свойства светлой и нежной восточнославянской красавицы ("типа Б. Тышкевич, А. Ларионовой, "Анны на шее" и др." - указывалось в проспекте), и вовсе вызывали восторги. Дом на Покровке уже ходили смотреть, но днем. А сообразительные наши сограждане задумали и ночные сеансы смотрин, не гарантируя, правда, еженощных выходов привидения. Шеврикука им не завидовал. Они вызнали легенду, но не знали Гликерию. А Шеврикука ее знал. Но, может, Гликерия готовилась теперь к выходам? Отсюда и корт, и манеж, и пусанский диалект? В чьи глаза пыль? И в преподавателе не было нужды. Имелась, в частности, травка по имени бал, Шеврикука ее не видел, но говорили, правда, простодушным и темным: отвари ее, попей и будешь знать, кто что кричит - и звери, и гады, и птицы, и рыбы, и деревья, и камни, и уж тем более люди, на каком пожелаешь наречии. Но подобное освоение языков и смыслов, видимо, дурной тон. Анна на шее. Гликерия на шее. На чьей шее? На чьей? Не на его же! Нет! Не на его! И быть такого не могло никогда! И ни в коем

случае не следовало протягивать ей монету и лошадиную морду!

Но что морочить теперь себе голову! Игрок, игрок ожил в нем, Шеврикуке! Как только вспомнили Увеку Увечную или Векку Вечную и Шеврикука учуял в словах Гликерии, в ее глазах раздумья, сомнения в некоем принятом или непринятом ею решении, он все свои "не надо" и "не следовало" отбросил. Гликерия не Увека и не Дуняша, ее затея вышла бы куда отважнее и рискованнее их затей. Но решилась ли Гликерия или нет? И что придумала? Многим ли временем располагала? И Шеврикука протянул ей две вещицы. Она взяла...

А впрочем, отодвинулось бы все подальше - и Гликерия, и реликвии Пэрста-Капсулы, отмененного и развеянного, и сами духи Башни, и все. Все!

"А у острова Тоски двадцать две стальных доски..."

(продолжение предполагается)

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананишвили

Цитата номера:

**Весь мир до
основанья мы
разрушим, а
из обломков
не возьмем ни
фига.**

< И Б И С >

№ 26

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000 USA. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла с названиями типа "tunn07" (номера с 1-го по 17-й) или "ibis19" (номера с 18-го по...) журнал бесплатно предоставляется на почтовом сервере <http://www.mailru.com> с именем\адресом eugenelev@fromru.com и паролем academia. Там можно выбрать любое количество статей номера, для чего, возможно, потребуется войти на сайт и через опцию "управление файлами" ("file manager") предварительно посмотреть содержание номера (файл "Contents"): для этого он обычно автоматически распаковывается и просматривается. Затем выбрать желаемый файл №... (то есть интересующую Вас статью; а о чём она, там написано) — и его\её себе скачать. Впоследствии для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо (для редактора Word-9/0\2000) установить режим Print Layout View, 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

Адрес в Интернете: <http://www.arimoya.narod.ru>

БРАХМА КУМАРИС

БРАХМА КУМАРИС — Всемирный Духовный Университет — международная неправительственная нерелигиозная некоммерческая благотворительная организация. Основан в 1936 году в Индии и имеет более 4500 центров в 77 странах мира. Штаб-квартира Университета — Мадхубан — находится в штате Раджастан в г. Маунт Абу. Университет является членом Департамента общественной информации ООН, обладает Генеральным консультативным статусом в Экономическом и социальном совете ООН и Фонде помощи детям ЮНИСЕФ. В области образования по нравственным ценностям Университет тесно сотрудничает с ЮНЕСКО. В октябре 1999 года заключил с ЮНЕСКО соглашение о партнёрстве в ходе реализации программы 2000 года, объявленного ООН

Международным годом культуры мира. Официально признан ЮНЕСКО Вестником манифеста 2000 года.

Деятельность Университета заслужила широкое международное признание: ООН присвоила ему звание "Вестник Мира".

В России деятельность Университета началась в 1989 году, и сейчас в нём учится более 1000 регулярных слушателей. Университет зарегистрирован Министерством юстиции России как общественная организация. Его деятельность направлена на воспитание нравственных и духовных ценностей, формирование возвышенного характера. Университет учит тому, как вести гармоничную, счастливую, умиротворённую жизнь, наполненную удовлетворённостью, свободную от стрессов и напряжения, а также преподаёт навыки положительного мышления. Университет стремится дать людям понимание важной роли духовности, её значения как универсального образа жизни, высшего, идеального комплекса нравственных ценностей.

Одна из основных целей Университета — воссоздание мирного, счастливого, здорового и процветающего общества через самопреобразование, через изменение мировоззрения, системы ценностей, всестороннее преобразование в социально-экономическом и других аспектах жизни каждого человека и общества в целом. Университет прилагает самоотверженные усилия в этом

направлении, опираясь на помощь своих студентов, а также многочисленных близких по духу организаций и отдельных лиц. Обучение в Университете бесплатное. Преподаватели и студенты работают добровольно, не ожидая личной выгоды, денег или славы.

В целях совершенствования социальных отношений Университет организует конференции, семинары, круглые столы, выставки, культурные программы, классы по развитию личности, индивидуальные и групповые консультации, тематические программы для отдельных категорий слушателей, представителей различных слоёв общества и профессий: учёных, юристов, врачей, учителей, политиков, предпринимателей, журналистов, деятелей искусства, молодёжи, домохозяек, детей, для осуждённых, содержащихся в тюрьмах. Университет также участвует во многих программах, проводимых государственными и общественными организациями.

ЦЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА:

- 1. Активное содействие упрочению мира, широкому международному сотрудничеству, достижению всеобщей гармонии.**
- 2. Социальное оздоровление общества, построение мира на принципах приоритетности общечеловеческих ценностей.**

- 3. Воспитание уважения и братского отношения ко всем расам, национальностям и религиям.**
- 4. Формирование в сознании людей глубокого понимания важности духовной культуры для прогресса общества, превращение её в основу всей жизни человечества.**
- 5. Духовное и культурное воспитание людей, направленное на такое изменение характера и мировоззрения каждого человека, чтобы избавить его от суеверий и невежества, превратить его в достойного члена общества.**
- 6. Постоянное повышение духовного и нравственного уровня людей, воспитание каждого человека на принципах чистоты, мира, любви, терпимости, самообладания, братства и сотрудничества, стремления к постоянному самосовершенствованию.**
- 7. Укрепление физического и духовного здоровья людей, обретение ими спокойствия, внутренней силы и счастья путём освобождения от стрессов, психических напряжений и пагубных привычек (курения, употребления алкоголя и наркотиков).**

ВЫРАБАТЫВАЕМЫЕ КАЧЕСТВА:

Покой	Уважительность
Любовь	Самоуважение
Чистота	Самоотверженность
Милосердие	Аккуратность
Великодушие	Дисциплинированность
Доброжелательность	Чистоплотность
Искренность	Всепрощение
Жизнерадостность	Мужество
Терпимость	Энтузиазм
Смирение	Решительность
Мягкость	Стабильность
Зрелость	Отрешённость
Интравертность	Дружелюбие
Честность	Гибкость
Удовлетворённость	Лёгкость
Бесстрашие	Терпение
Уверенность в себе	Сотрудничество
Бескорыстие	Простота
Ответственность	Царственность
Приятие	

Реквизиты Университета:

**111020, Москва, Госпитальная площадь, д.2
стр. 1. Телефон: 261-02-47. Факс:
261-32-24.**

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога